18+

АЛЕКСЕЙ РАКИТИН

Грех Каина

ОСТРЫЕ СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПРИМЕРАХ ПОДЛИННЫХ УГОЛОВНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ

Алексей Ракитин

Грех Каина. Острые семейные конфликты на примерах подлинных уголовных расследований

«Издательские решения»

Ракитин А.

Грех Каина. Острые семейные конфликты на примерах подлинных уголовных расследований / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596492-2

Сборник очерков посвящен убийствам, обусловленными острыми конфликтам внутри семьи. Данный вид криминальной активности характеризуется не только исключительной жестокостью, но и крайним коварством. Это преступления высокой степени скрытности, весьма запутанные и трудные для разоблачения. На конкретных примерах автор показывает их специфику и крайнюю сложность доказывания в суде вины разоблаченного преступника. Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся историей уголовного сыска.

ISBN 978-5-00-596492-2

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Ярость настойчивого человека 6
Невыдуманная история влюбленного доктора 42
Глупость не порок… 56
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Грех Каина
Острые семейные конфликты на примерах подлинных уголовных расследований

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-0059-6492-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ярость настойчивого человека

Около 5 часов вечера 1 декабря 1924 г., в понедельник, сразу после захода Солнца, на юго-западе небольшого немецкого городка Хайгер вспыхнул особняк, в котором проживал вместе с членами семьи один из наиболее уважаемых членов местной общины Фриц Ангерштейн (Fritz Heinrich Angerstein), управляющий расположенного за городом известнякового карьера. Соседи, увидев пламя, бросились к зданию, а им навстречу буквально упал с высокого крыльца хозяин дома. Он был окровавлен и едва мог говорить…

Так начался один из самых удивительных и интригующих сюжетов в криминальной истории Германии, полный неожиданных поворотов, обмана и пугающих тайн. До сих пор некоторые обстоятельства случившегося ясны не до конца, чему способствуют обстоятельства как субъективного, так и объективного характера, о которых предстоит сказать особо.

Тяжело раненый хозяин виллы ещё до прибытия полиции сообщил соседям, что дом подвергся вторжению большой группы налётчиков, намеревавшихся, видимо, совершить грабёж. Дом Ангернштейна являлся не только местом его проживания, но и управляющей конторой предприятия, которым тот руководил. Весь первый этаж здания представлял собою офис, в котором среди прочих кабинетов находилась и касса. Нападавших было гораздо более десятка, по мнению Ангерштейна в доме побывали человек 15—25. Фриц был ранен в самом начале, нападавшие бросили его на пол и он притворился мёртвым, что и спасло ему, видимо, жизнь. Преступники, совершив поджог, уехали, по-видимому, на грузовой автомашине, во всяком случае, Ангерштейну казалось, что он слышал звук запускаемого мотора. Кроме того, исчез грузовик, принадлежавший компании и находившийся у дома Ангерштейна, хотя в ту минуту Фриц не мог сказать, угнана ли машина, или же на ней уехал кто-то из работников…

Фриц Ангерштейн в больнице.

Сообщение о грабителях вызвало настоящий переполох в городе. Хайгер был небольшим городком с населением чуть менее 10 тыс. человек, расположенным в гористой местности в земле Гессен, в западной части Германии. Населенный пункт был построен в живописной долине, окруженной со всех сторон склонами, поросшими густыми хвойными лесами, которые прорезали многочисленные ручьи и речки. Хотя район Хайгера находился в самом сердце Европы, там было где спрятаться…

Полицейские отделения в ближайших населенных пунктах – Брайтшайд, Дилленбург, Бурбах – были оповещены и приведены в состояние полной готовности. А для усиления полиции Хайгера и проведения масштабной поисковой операции к месту преступления были направлены полицейские подразделения из более отдаленных мест. В частности, в течение часа прибыл взвод полиции из Ветцлара (Wetzlar), города в 30 км. на юго-восток от Хайгера. Ещё один взвод с двумя пулемётами приехал на грузовиках из Зигена (Siegen), города примерно в 10 км. к северо-западу. В течение вечера и ночи полицейские силы продолжали прибывать. С их помощью началось масштабное прочёсывание местности и осмотр городских строений.

Подобной реакции властей удивляться не следует, ведь речь идёт о Германии 1924 года! Время с момента окончания Первой мировой войны (т.е. с ноября 1918 г.) прошло в Германии под знаком острой классовой борьбы и крайней непримиримости враждующих сторон. За год до описываемых событий, в ноябре 1923 г., Адольф Гитлер с сотоварищами-фашистами предпринял попытку государственного переворота, вошедшую в историю под названием «Пивной путч». А на 7 ноября 1924 г. «кремлёвские мечтатели» из Москвы запланировали уже коммунистический переворот. Правда, в последнюю минуту от него пришлось отказаться, но ценные кадры «экспортёров революции» никуда из Веймарской республики уезжать не спешили. Хотя 1924 г. стал для Германии годом стабилизации и окончания весьма болезненного для экономики и населения экономического кризиса, классовая борьба в стране не утихала: ветераны минувшей Мировой войны из «Стального шлема» били таких же ветеранов из коммунистического «Союза Спартака», те в свою очередь били ветеранов в коричневых рубашках из числа членов немного попритихшей нацистской партии, а «коричневорубашечники» избивали, когда могли, первых и вторых. Разумеется, все они дружно били социал-демократов и с упоением дрались с полицией. Преступность политическая шла рука об руку с тривиальной уголовщиной, так что порой невозможно было понять, когда же преступления действительно совершались на почве идеологических разногласий, а когда такого рода разногласия лишь маскировали тривиальную уголовщину. Грабежи, убийства, террор, разного рода акции устрашения являлись буднями Веймарской республики того времени и именно поэтому рассказ о 15 или 25 грабителях, напавших на дом управляющего крупным предприятием, никому не показался фантастическим или нереальным.

Это Германия! И тогда там было возможно всё…

В ноябре 1923 г. национал-социалисты Гитлера и Рема предприняли попытку государственного переворота, вошедшую в историю под названием «пивной путч». Слева: один из моментов путча. Справа: пивная «Бюргербройкеллер», являвшаяся местом встреч нацистов и сочувствующих им лиц.

Осмотр городских строений, проводившийся полицией вплоть до утра 2 декабря, ничего существенного не дал. Точнее сказать, его существенный результат заключался как раз в том, что ничего значимого для расследования обнаружить не удалось. Следов нападавших или чего-

то подозрительного, что можно было бы связать с трагическими событиями в доме Ангерштейна, обнаружено не было. Правда, вне границ города, примерно в 2 км. по дороге в сторону Дилленбурга (т.е. на восток от Хайгера) был найден брошенный грузовик, принадлежавший, как оказалось, той самой компании, которой управлял Фриц Ангерштейн. Причина, по которой машину оставили у дороги, представлялась неясной. Грузовик находился в исправном состоянии и хотя в его баке было совсем мало топлива, машина могла ещё какое-то время двигаться. Никаких следов, указывающих на пребывание в машине либо возле неё группы людей, найдено не было.

Последующее расследование показало, что накануне – т.е., 1 декабря, – грузовик видели стоящим у дома Ангерштейна. Принимая во внимание, что раненый хозяин дома до того, как потерял сознание успел сообщить о работавшем автомобильном двигателе, представлялось вполне возможным, что именно на этой машине скрылись преступники. Скорее всего, они покидали грузовик по-одному, выпрыгивая на ходу из кузова; в противном случае трудно было понять, как пара десятков мужчин сумела уйти в лес, не оставив множества следов на мягком грунте.

В самом грузовике, как отмечено выше, ничего подозрительного найти не удалось – ни следов крови, ни орудий преступления, ни каких-то подозрительных предметов. В общем, почему грузовик оказался там, где его нашли, понять в первые дни расследования не представлялось возможным…

В процессе осмотра городских строений и опроса жителей были получены сообщения о подозрительной группе или группах неустановленных лиц. Некоторые из горожан утверждали, будто видели группу из 7—10 человек, двигавшихся в колонне по-одному и явно старавшихся не привлекать к себе внимания. Один человек сообщил о большой подозрительной группе мужчин («человек 25»), прошагавшей мимо него в конец улицы и далее ушедшей в сторону леса. Нашёлся свидетель, который вроде бы видел, как большая группа мужчин после короткого разговора на пустыре разошлась в разные стороны, разделившись на пары. Были также получены сообщения о неких группах незнакомцев числом в 3—5 человек, которые двигались непонятно откуда непонятно куда…

В общем, горожане что-то видели, но не знали толком, что же именно. Жители Хайгера были явно напуганы событиями последних часов и пребывали в состоянии, близком к паническому.

Что же происходило в это самое время возле горящего дома? Борьба с огнём с последующей «проливкой» здания продолжалась около полутора часов, её успешному исходу очень помогло то обстоятельство, что Хайгер хотя и был небольшим городком, имел тем не менее прекрасную пожарную команду, которая и выполнила своё дело на «отлично». Пожарные во время перемещений по дому сделали первые пугающие открытия, обнаружив залитые кровью трупы сначала на первом этаже, а затем и на втором. Первоначально казалось, что в доме находятся тела 7 человек, но в последующем, когда детективы криминальной полиции и криминалисты приступили к разбору мусора и провалившихся чердачных перекрытий, стало ясно, что трупов 8.

Едва только стало ясно, что дом Фрица Ангерштейна явился местом весьма кровавого и жестокого преступления, в Хайгер были приглашены крупные специалисты в области криминалистики, такие как, Георг Попп, руководитель Института судебной химии и микроскопии из Франкфурта-на-Майне, и профессор Кёльнского университета Гюстав Доне. Оба преодолели весьма значительное расстояние для того, чтобы принять участие в расследовании, которое с самого начала обещало стать очень необычным. Достаточно сказать, что Попп приехал из Франкфурта, удаленного от Хайгера более чем на 90 км., а Доне проделал путь и того больше (до Кёльна от места преступления более 100 км.).

Помимо упомянутых специалистов, к обследованию полусгоревшего дома было привлечено большое количество – около 15 человек – других специалистов: электриков, водопроводчиков и судебных медиков. Поскольку силами небольшого отдела полиции в Хайгере провести полноценное расследование столь серьёзного преступления представлялось весьма проблематичным, на помощь местным полицейским прибыл целый десант детективов криминальной полиции из других городов земли Гессен (Вецлара, Марбурга и Франкфурта). Их общее число достигало дюжины.

Поскольку в первые часы и дни имелись основания подозревать политическое преступление, то подтянулись и сотрудники политической полиции. Правда, потенциал последней не следует преувеличивать – «охранка» Веймарской республики была чрезвычайно слаба. Достаточно сказать, что численность всего отдела политического сыска, занимавшего обслуживанием Франкфурта-на-Майне – а это, секундочку, в 1925 г. был город с населением в 470 тыс. человек! – составляла всего 23 человека. И эти люди боролись со всем спектром политических экстремистов – от национал-социалистов, до коммунистов и анархистов. В общем, политическая «охранка» мало могла помочь криминальной полиции, но тем не менее, на первом этапе расследования поучаствовала и она.

Итак, что же удалось выяснить при расследовании по горячим следам?

Конструктивно дом Фрица Ангерштейна представлял собой 2-этажное капитальное строение с большим подвалом и чердаком, частично переоборудованным под мансардное помещение. К домовому владению относился и участок земли в 15 «соток». Возле дома была устроена оранжерея, высажены кусты шиповника и роз. Фриц Ангернштейн въехал в этот дом ещё летом 1917 г., получив должность управляющего известняковым карьером (о жизненном пути этого человека чуть ниже будет сказано особо). Фактически вилла являлась служебной площадью, оплачиваемой из бюджета предприятия, Фриц не являлся её владельцем. Постоянно в доме проживали Фриц Ангерштейн, его жена Кетэ, в девичестве Барт, тёща Катарина Барт, свояченица (сестра жены) Элла Барт и домработница Минна Штоль. У Фрица и Кетэ детей не было, хотя они и состояли в браке 13 лет.

В подвале здания находились подсобные помещения: большая кладовая для продуктов, разделенная на несколько секций (для картофеля, круп, мяса и масла), столярно-слесарная мастерская, бойлерная, комната для сельхозинвентаря и складом для дров. Последние два помещения имели отдельный вход с улицы. В бойлерной была обнаружена убитая овчарка, со следами трёх ударов топором на голове и одним – на шее. Собака принадлежала хозяину, прошла необходимую дрессуру и использовалась для охраны во время отсутствия Фрица. По делам службы ему приходилось проводить много времени в разъездах, посещая известняковый карьер за городом, цементный завод, отделения различных банков и офисы заказчиков – эти места были удалены друг от друга на значительное расстояние. Поскольку в большом доме женщины подолгу оставались одни, а время было очень неспокойным, желание обеспечить их охраной выглядело вполне понятным.

Однако, получалось, что в минуту опасности сторожевой пёс своей главной задачи не выполнил. Убийство его рождало определенное недоумение, связанное с тем, что на овчарке оказался ошейник и поводок. Кто и когда одел поводок? Кто привёл собаку в подвал? И, наконец, почему натасканный на борьбу с вооруженным человеком пёс позволил себя зарубить?

Впрочем, главные открытия были сделаны детективами на вышележащих этажах.

Первый этаж представлял собою офис: приёмный зал, перегороженный стойкой, позади которого располагались кабинет Ангерштейна, бухгалтерия с небольшим чуланом [там хранился архив предприятия] и помещение кассы. Также на первом этаже была оборудована уборная. Под лестницей находилась большая – на 40 крючков, – вешалка. По рабочим дням первый этаж использовался как контора: сюда доставлялась почта, здесь проводились совещания, выплачивалась зарплата работникам и т. п. Окна первого этажа во время его осмотра полицией

оказались закрыты снаружи ставнями и эта деталь, как скоро станет ясно, имела большое значение для правильной реконструкции картины случившегося.

В кабинете Ангертштейна оказались найдены четыре мужских трупа, сильно обгоревшие и имевшие рубленые и колото-резаные раны в области головы и шеи. Погибшими оказались Рейнхольд Дитхардт (Reinhold Diethardt), Хейнрих Киль (Heinrich Kiehl), Алекс Гейст (Alex Geist) и Руди Дарр (Rudi Darr). 44-летний Дитхардт работал у Ангерштейна бухгалтером, он был убит шестью ударами топора в голову и шею, кроме того, у него были разрезаны, очевидно, ножом, ухо и кожа на скуле слева. Удары были нанесены с большой силой и причинили жертве тяжкие повреждения, лезвие топора не только пробило кости свода черепа, но и проникло в толщу мозга на глубину до 4 см. Первые два удара были нанесены по затылку когда мужчина находился в вертикальном положении, последующие явно наносились после падения тела на пол. Никаких защитных ран на теле жертвы не оказалось. Представлялось очевидным, что Рейнхольд Дитхардт был застигнут врасплох и сопротивления оказать не успел. Тяжесть ранений оказалась такова, что мужчина сразу же лишился сознания и умер в течение очень короткого времени с момента нанесения первого удара.

Хейнрих Киль работал секретарём Фрица Ангерштейна. Это был молодой, крепкий мужчина в возрасте 28 лет. На его теле были обнаружены следы по меньшей мере 8 ударов топором, кости черепа оказались раскрошены на большое число осколков. Точное число ударов подсчитать представлялось почти невозможным – их могло быть и 8, и 10, и даже более десятка. Данная неопределенность была связана с тем, что все повреждения оказались локализованы на сравнительно небольшой площади головы – на затылке и справа сзади. Ясно было только, что удары наносились как лезвием топора, так и его обухом. Хейнрих Киль также не оказал сопротивления и умер в течение нескольких минут с момента травмирования.

Алекс Гейст являлся садовником и по совместительству – разнорабочим. Очень сильный физически, он при необходимости выполнял по дому мелкий ремонт и тяжёлые работы, вроде разгрузки угля, который использовался для обогрева и топки печей, и т. п. Гейст был убит топором в той же манере, что Дитхардт и Киль – ему нанесли большое количество ударов по голове сзади, примерно 5—6 или больше, что привело к открытой черепно-мозговой травме. Также имелся длинный ножевой порез в основании шеи. Нападение, по-видимому, явилось для Гейста неожиданным и он не предпринял никаких мер самозащиты.

Его помощник Руди Дарр, в отличие от садовника, не успел даже переоблачиться в рабочую одежду. По-видимому, Руди убили сразу при появлении возле дома. Ему было нанесено не менее дюжины ударов топором – как лезвием, там и обухом – причём часть ударов пришлась на плечи, чего не отмечалось при убийствах других людей, найденных на первом этаже. Ожесточение, с которым рубили Руди Дарра, заставляло подозревать, что убийца опасался этого молодого и рослого мужчину более остальных. Из четверых убитых, тела которых оказались сложены в кабинете Ангерштейна, садовник и его ученик были самыми рослыми и сильным. Тем не менее, они подобно остальным жертвам, оказались застигнуты врасплох и не оказали убийце сопротивления.

Дом, явившийся местом массового убийства, сильно выгорел от пожара и впоследствии был снесён.

На полу в углу кабинета был найден заряженный револьвер, принадлежавший, как стало ясно позднее, Фрицу Ангерштейну. Другой револьвер хозяина дома оказался найден под лестницей, ведущей в подвал. Из пистолетов не стреляли, гильз или пулевых отверстий на месте преступления найдено не было.

Уже при первоначальном осмотре тел на месте их обнаружения судмедэксперты обратили внимание на то, что трупы Дитхардта и Киля имели намного более выраженное трупное окоченение, нежели тела двух других жертв – Алекса Гейста и Руди Дарра.

Трупное окоченение начинает развиваться с жевательной мускулатуры, приводящей в движение челюсти, примерно через 2 часа после наступления смерти и опускается сверху вниз, т.е. от головы к икрам. Примерно через 12 часов с момента смерти тело оказывается сковано окоченением полностью. Снятие трупного окоченения начинается примерно через 2—3 суток и происходит в обратном порядке, т.е. те части тела, которые оказались скованы последними, обретают подвижность первыми (надо оговориться, что так следует из т.н. теории Нистена, которая признаётся не всеми судебными медиками). На скорость развития и степень выраженности трупного окоченения влияют различные факторы: температура окружающей среды (в тёплом помещении процесс растягивается), тип сложения умершего (у лиц атлетического сложения трупное окоченение более выражено) и т. п. Наличие в теле некоторых ядов (т.н. деструктивных) способно заметно исказить классическую картину развития трупного окоченения, что может служить своеобразным индикатором отравления. Причина трупного окоченения не вполне ясна до сих пор, на сей счёт существует несколько гипотез (как-то: патологические импульсы умирающей нервной системы, свёртывание мышечного белка под воздействием молочной кислоты и пр.). Но независимо от природы этого явления, степень выраженности трупного окоченения и его распространение по группам мышц, несут важную с точки зрения судебной медицины информацию. Каким бы ни был пол и возраст умершего, развитие процесса окоченения и его последующее снятие развиваются одинаково, что позволяет судебным медикам довольно точно судить о времени наступления смерти.

То, что тела Дитхардта и Киля находились в состоянии полного окоченения, свидетельствовало о наступлении смерти за 12 и более часов до момента их осмотра судебными медиками. Поскольку осмотр проводился примерно в 21 час, получалось, что потерпевшие были убиты ранее 9 часов утра. Как быстро выяснили сыщики, оба канцелярских работника покинули дома, в которых проживали, в своё обычное время, рано утром. В доме Ангерштейна они

должны были появиться в интервале от 7 до 7:30. А сие означало, что оба были убиты сразу или почти сразу по прибытии на рабочие места.

А вот с садовником и его помощником картина выглядела иначе. Судя по степени трупного окоченения Гейста и Дарра, они были убиты гораздо позже – за 6—8 часов до осмотра судебными медиками. Это передвигало время наступления их смерти к полудню и даже послеобеденным часам. Если грабители вломились в дом ранним утром и сразу же убили секретаря и бухгалтера, то почему они продолжали оставаться на месте преступления ещё долгие часы, рискуя привлечь к себе внимание? Ведь 1 декабря являлся рабочим днём, в контору могли явиться самые разные люди: рабочие каменоломни и цементного завода, которыми управлял Ангерштейн, почтальоны, курьеры и пр. Наконец, посторонних людей могли заметить соседи. Таинственные грабители сильно рисковали уже тем, что не открыли ставни на окнах первого этажа, т.е. там, где находились помещения конторы. Для рабочего дня подобное выглядело весьма подозрительно, удивительно даже, что никто из окрестных жителей не обратил на эту деталь внимания. Попадись среди соседей или проезжавших мимо жителей Хайгера какой-нибудь особо бдительный гражданин с хорошим зрением – и эта небрежность могла выйти грабителям боком.

В свете первичных выводов судмедэкспертов получалось, что грабители помимо серьёзной ошибки, связанной с не открытием ставен, допустили и другую, более важную – они надолго остались на месте преступления.

Кабинет в котором находились тела убитых, сильно выгорел, однако, отнюдь не полностью. Как впоследствии выяснили пожарные эксперты, изучавшие состояние здания, первоначально разгоревшийся огонь практически затух из-за отсутствия притока воздуха. А притоку воздуха помешали закрытые ставни на окнах и плотно притворённая дверь. Поэтому после первоначального яркого пламени, уничтожившего легко воспламенявшиеся предметы (бумаги на столе, мебельная обивка, тюль и шторы на окнах), интенсивность горения понизилась, огонь притух и дал сильную копоть. Это позволило сделать криминалистам очень интересное открытие: на полу остались следы крови, появившиеся в силу волочения трупов. Тела Дитхардта и Киля перетащили волоком в кабинет Ангерштейна из приёмного зала, где оба служащих и были убиты. Для чего это было проделано, понять не представлялось возможным. Можно было только догадываться, что же хотели скрыть нападавшие, занимаясь подобными перемещениями мёртвых тел…

Приёмный зал также был повреждён огнём, но в значительно меньшей степени, нежели кабинет Ангернштейна. Очевидно было, что очагом возгорания являлся именно кабинет.

Остальные комнаты первого этажа пострадали от огня ещё меньше. При всём том, на первом этаже отчётливо ощущался запах бензина – так бывает в том случае, если более-менее заметные количества топлива не сгорят. Очевидно было, что пожар на первом этаже толком не разгорелся, хотя поначалу не совсем было ясно что же именно помешало огню.

Последующий тщательный осмотр помещений всё разъяснил. Оказалось, что трубы водной разводки в уборной были размонтированы и при повороте вентилей вода с сильным напором начинала заливать пол. Именно обильное поступление воды и способствовало тому, что огонь на первом этаже причинил повреждения сравнительно незначительные, во всяком случае, его воздействие оказалось куда менее разрушительным, нежели на втором этаже и чердаке.

Однако, данное обстоятельство рождало новые вопросы: кто и когда размонтировал трубы? с какой целью это было проделано? поскольку соединения труб нельзя было разобрать голыми руками, а слесарного инструмента в помещении уборной не оказалось, то куда же исчез инструмент, использованный для этой работы?

Дальнейший осмотр дома привёл к обнаружению новых трупов. Второй этаж, как было сказано, использовался в качестве жилого. Там находились, выражаясь современным языком, три квартиры. Самую большую из них – из трёх жилых комнат и совмещенной с ванной

уборной, занимала чета Ангерштейнов (Фриц и его жена Кетэ). Две других, поменьше, отводились Катарине и Элле Барт, матери и младшей сестре Кетэ. Эти квартиры представляли из себя спальни с отдельными ванными комнатами и уборными. Также на этаже находилась кухня. Приготовленную там пищу подавали в гостиную в квартире Ангерштейнов, где обычно по вечерам собирались родственники.

Комнаты второго этажа выгорели гораздо сильнее, чем первого. Этому способствовали объективные причины – как обилие мягкой мебели, так и отсутствие на окнах ставен. Последнее привело к свободному поступлению уличного воздуха после того, как в части окон лопнули от жара стёкла. Данное обстоятельство эффективно поддержало горение. Пожарные, опасаясь падения потолочных перекрытий, обрушили часть стропил и чердачного настила, поэтому после окончания тушения пожара из квартиры Ангерштейнов можно было видеть ночное небо.

В спальне четы Ангерштейн под грудой мусора и углей была найдена Кетэ, жена Фрица, точнее, её сильно обгоревшие останки. От кровати, в которой находилось тело, мало что осталось, однако часть постельного белья и матраса, оказавшиеся под телом, от огня почти не пострадали. Они оказались сплошь пропитаны кровью, так что факт жестокого убийства сомнений не вызвал. Тело Кетэ, как было сказано, сильно обгорело, но его исследование судебными медиками принесло некоторый результат. Удалось установить, что для убийства женщины был использован нож (в отличие от топора, которым были убиты мужчины этажом ниже). Кетэ получила по меньшей мере 18 ножевых ранений – и это только то, что смогли обнаружить эксперты. Данная деталь не оставляла сомнений в чрезвычайной ярости нападавшего.

В комнате по другую сторону от лестницы, которую занимала Катарина Барт, был найден её труп, также подвергшийся значительному разрушению огнём. Катарина, крупная и крепкая 61-летняя женщина, оказалась зарублена сильными ударами топора, подобными тем, что имелись на телах мужчин, найденых на первом этаже. Как показал последующий судебно-медицинский осмотр, раны располагались как на передней стороне торса Катарины, так и на задней, а кроме того, на голове. Женщина явно пыталась закрыться от нападавшего – два удара пришлись в область левого плеча со стороны спины и ещё один – между лопаток. Возможно, жертва пыталась убежать или опустилась перед преступником на колени, наклонив голову. Катарина Барт явилась первой жертвой, про которую можно было уверенно сказать, что она видела нападавшего.

В другой комнате, точнее, небольшой квартирке, занимаемой Эллой Барт, оказался найден труп последней. Тело находилось в ванной комнате и не пострадало от огня. Этот угол здания в силу некоей специфики распространения пламени, вообще остался практически не тронут пламенем. Картина убийства Эллы Барт резко отличалась от того, что криминалисты, судебные медики и детективы видели в других местах. 18-летняя девушка оказалась облачена в тёплый халат, поясок которого остался затянут. Эта деталь свидетельствовала о том, что убийца не пытался обнажить жертву и посягательство его не носило сексуального характера. Тело было аккуратно уложено на пол между ванной и стеной, а кроме того, сверху его прикрыли двумя полотенцами. Не вызывало сомнений то, что ванная комната явилась местом убийства – на это явственно указывали сохранившиеся на кафельном полу обильные потёки крови. Но явная упорядоченность места убийства сбивала с толку. Убийца – кто бы он ни был! – проявил к своей жертве странное сострадание и уважение, разумеется, в том смысле, в каком о «сострадании» и «уважении к трупу» можно говорить применительно к такого рода бесчеловечному преступлению.

Элла Барт была убита очень «экономно» с точки зрения трудозатрат убийцы. Ей было нанесено всего три удара топором в голову, прямо в лоб. Удары наносились с большой силой, лезвие каждый раз пробивало лобные кости (самые толстые кости человеческого скелета!) и глубоко входило в мозговое вещество. Первый же удар не оставил Элле шансов на спасение, она умерла в течение нескольких минут с момента начала нападения. Судебно-медицинская

экспертиза показала, что девушка не подвергалась сексуальному насилию, однако не являлась девушкой в строгом медицинском понимании этого термина. Специалисты сошлись во мнении, что девушка жила половой жизнью, хотя… нельзя было исключать того, что партнёром Эллы являлся вовсе не живой человек, а сексуальная игрушка. Таковые были найдены в её вещах и более того, сделанные с них смывы показали, что они использовались по прямому назначению. Такого рода детали могут показаться кому-то излишними, но это только на первый взгляд, на самом же деле наличие у Эллы любовника могло бы многое прояснить в подоплёке случившегося в доме Ангерштейна.

Однако, судмедэкспертиза хотя и сделала важное в этом отношении открытие, ясности в данный вопрос не только не внесла, а скорее даже, запутала картину. И даже сейчас, спустя почти столетие со времени описываемых событий, в этом вопросе нет никакой ясности.

Выше второго этажа находилась квартира горничной и по совместительству поварихи Минны Штоль (Minna Stoll). Это был не полноценный этаж во всю длину дома, а своеобразная мансарда, встроенная в чердак (классическая мансарда предполагает наличие наклонных окон, прорезанных в скатах крыши, в данном случае же ничего подобного сделано не было. Поэтому и употреблен эпитет «своеобразная».). Сама квартира представляла собою две комнаты – спальню и уборную, – перед которыми находилась крохотная лестничная площадка. В процессе пожара весь этот объём здания под крышей выгорел полностью и обрушился вниз, частично, как под собственным весом, так и потому, что его разрушили пожарные. Какие предметы обстановки и где именно находилось до трагических событий, не представлялось возможным определить. Уцелели лишь отдельные фрагменты несгораемых вещей, вроде деталей металлической кровати, чугунного унитаза, небольшой фаянсовой раковины и пр. Все эти несгоревшие предметы были хаотично завалены грудой обгоревших конструкций крыши и кровли.

В толще этого мусора оказалось найдено тело Минны Штоль, вернее, те жалкие останки, которые являлись им прежде. Эта жертва пострадала от огня более других. Конечности от локтей и колен вниз практически исчезли, сильно был разрушен череп. Повреждения костей черепа были таковы, что трудно было однозначно определить их природу, нельзя было исключить того, что на голову мертвой женщине падали массивные элементы кровли. На спине судмедэксперты обнаружили следы по меньшей мере двух ударов топором, но мало кто сомневался в том, что повреждений было гораздо более, только состояние трупа не позволило их выявить.

Чтобы закончить описание места преступления, упомянем о ещё некоторых деталях, представляющих несомненный интерес.

На первом этаже возле помещения кассы был найден топор, сильно запачканный кровью. Потёки и брызги крови покрывали весь топор и на деревянном топорище остались хорошо различимые следы ладони и пальцев. На металлической части топора остались волосы, словно приклеенные высохшей кровью. Эта деталь не оставляла сомнений в том, что топор явился одним из орудий преступления. Особенно ценным для следствия представлялось то, что на деревянной части топора остались чёткие отпечатки пальцев [их оказалось не менее шести]. Окровавленный отпечаток пальца, если только он принадлежит не жертве, является для обвинения лучшей уликой из всех, какие только можно вообразить! Топор тут же взяли в работу, дабы в кратчайшие сроки получить отпечатки пальцев, пригодные для сравнения.

Также в доме на первом этаже был найден охотничий нож с гардой, по-видимому, использованный при нападении. На нём хорошо были заметны кровавые разводы, однако, отпечатков пальцев не оказалось. Нож как будто бы протёрли, размазав кровь по рукояти и лезвию.

Самым любопытным, пожалуй, открытием, сделанным во время осмотра дома Фрица Ангерштейна, явилась констатация того факта, что грабежу он так и не подвергся! Да-да, огромная банда захватила дом, убила столько людей, ранила хозяина, подожгла здание, угнала

автомашину, а ценностей забирать с собою не стала. Их не заинтересовало оружие, брошенное на первом этаже, в кассе остались 1290 марок, в карманах убитых мужчин нетронутыми лежали часы, деньги, мелкие украшения. Убитые мужчины, кроме Руди Дарра, были женаты – никто не снял с их пальцев золотые кольца. Это всё были предметы не очень дорогие, но если уж и совершать самое тяжкое преступление из всех возможных, так логично воспользоваться его плодами в полной мере. А вот не воспользоваться, как раз нелогично… То, что тела убитых были оставлены без обыска, придавало случившемуся вид грубой и неумелой мистификации.

Странным представлялось использование многочисленными преступниками всего двух видов оружия. Жертвы, обнаруженные на первом этаже – а все они являлись мужчинами, – убивались преимущественно топором, женщины, найденные этажом выше, кто – как (Кетэ Ангерштейн – только ножом, молоденькая Элла Барт – только топором). По-видимому, топором была убита и Минна Штолль. Но Эллу Барт, в отличие от горничной, убийца заботливо укрыл банными полотенцами… Тела мужчин перемещались, а вот тело Эллы Барт – нет. Про трёх других женщин ничего определенного сказать не представлялась возможным – огонь уничтожил следы волочения, даже если таковые и были. Грабители проявили чрезвычайную жестокость и проливали кровь человеческую, что водицу… Почему они не пользовались огнестрельным оружием? Убийство посредством топора или ножа очень личностное, требующее сближения с жертвой, профессиональному преступнику проще выстрелить с расстояния в несколько метров и не волноваться о возможной борьбе с раненой жертвой, не думать о том, что её кровь попадёт на одежду, которую придётся затем осмотреть и что-то с нею сделать.

Убийцы действовали с одной стороны избыточно жестоко, а с другой – крайне нерационально. Даже бессмысленно. Чего только стоит их нежелание обыскать убитых мужчин!

С учётом всего, отмеченного выше, очень странным казалось чудесное избавление от смерти Фрица Ангерштейна. Мужчина оказался тяжело ранен: два ножевых ранения по касательной в обе стороны груди, одно – в живот слева и ещё одно в область левого тазобедренного сустава с внешней стороны. Последняя рана имела большую протяженность и переходила на ягодицу, помимо этого, ввиду своей глубины, она повредила суставную сумку, из-за чего под большим вопросом оказалась возможность Ангерштейна ходить в будущем без костылей. Из-за этого, кстати, некоторые газеты написали, будто хозяин дома был парализован, но это не соответствовало действительности. Протяженной оказалась и рана на животе – нож во время удара зацепил кожную складку и прорезал её. Хотя лезвие ножа не проникло в брюшную полость, разрез оказался длиной более 15 см. Раны эти дали большую кровопотерю, по причине которой Фриц Ангерштейн мог умереть довольно быстро. То, что этого не случилось можно было объяснить лишь благоприятным стечением обстоятельств.

Сам Фриц объяснил своё спасение тем, что после получения ножевых ранений неосознанно упал на бок, в результате чего левая рука и ладонь удачно сдавили наиболее кровоточивые порезы на животе и верхней части бедра, уменьшив тем самым истечение крови из ран.

К моменту его доставки в больницу, Фриц находился уже в бессознательном состоянии. Он сразу был прооперирован и врачи прогнозировали положительную динамику излечения, но ясно было, что в течение ближайших суток поговорить с ним детективам не удастся.

Т.о. всё, что располагало следствие в утру 2 декабря, сводилось к нескольким обрывочным фразам Ангерштейна, сказанным соседям, выносившим его из дома, и уликам, найденным на месте преступления.

Свидетели, оказавшие первую помощь Ангерштейну – это были отец и два сына – утверждали, что столкнулись с ним у самого порога при попытке проникнуть в дом. Фриц успел сказать, что был ранен бандитами, напавшими на контору руководимого им предприятия. После получения ранений он сначала потерял сознание, но затем несколько раз приходил в себя и видел некоторых из напавших. Окончательно он очнулся лишь от запаха дыма и, сообразив, что дом подожжен, принялся ползти к выходу. Он слышал голоса удалявшихся бандитов,

которые, по-видимому, уехали на автомашине, поскольку до Фрица донёсся явственный звук запускаемого автомобильного мотора. Примерно так звучал его путанный рассказ…

Никаких описаний внешности или особенностей услышанных разговоров бандитов, Ангерштейн своим спасителям не сообщил.

Материала для активных розысков имелось в распоряжении правоохранительных органов немного. Однако, в течение дня была получена информация, заставившая посмотреть на случившееся с совершенно неожиданной стороны.

Как отмечалось выше, полиция проводила поголовный опрос населения, надеясь отыскать свидетелей, видевших банду грабителей. Некоторые из жителей Хайгера утверждали, что видели подозрительных людей, но речь сейчас пойдёт не о них. Владелец продуктового магазина на Маркплатц, в самом центре Хайгера, при разговоре с полицейскими упомянул о том, что 1 декабря к нему за покупками заходил Фриц Ангерштейн. Поначалу это сообщение не вызвало особого интереса, однако, когда от судебных медиков стало известно об убийствах бухгалтера Дитхардта и секретаря Киля в ранние утренние часы 1 декабря, сообщение бакалейщика потребовало проверки.

Его допросили вторично, уже обстоятельно и с соблюдением всех формальностей. Тот заявил, что Ангерштейн, которого он хорошо знал на протяжении последних 7 лет, появился в магазине примерно в 15 часов или чуть позже. Он купил две плитки дорогого швейцарского шоколада «Lindt» и карманный электрический фонарик (не надо удивляться, электрические фонарики в европейских странах и России продавались в розницу начиная с 1910-х гг.). Владелец магазина знал, что у Ангерштейна больна жена, которая очень любила швейцарский шоколад, и он осведомился о её здоровье. Фриц любезно ответил, что Кетэ чувствует себя не очень хорошо и чтобы её порадовать он и купил сейчас шоколад. Продавец во время допроса настаивал на том, что ошибка исключена и разговор состоялся именно тогда, когда он сказал. Но… это означало, что Фриц Ангерштейн отправился за покупками в самое время, когда в его кабинете уже лежали трупы как минимум двух человек!

Интрига только усилилась после того, как сотрудникам полиции удалось поговорить с местным почтальоном, сообщившим, что в день трагедии он приносил Ангерштейну почту. По его словам, ему долго не открывали дверь – и это показалось очень странным, поскольку почтальон знал, что в доме должны быть люди – как члены семьи Ангерштейн, так и работники правления каменоломни, ведь день-то был рабочий! Прежде такого не бывало никогда. В конце-концов дверь отворил сам Фриц Ангерштейн, выглядевший несколько странно: он был без сюртука, галстук съехал на бок, волосы всклокочены… Это до такой степени не соответствовало привычному повседневному облику Фрица, что почтальон даже осведомился, всё ли с ним в порядке? Фриц ответил, что беспокоиться не о чем, но приболела жена и потому он сейчас загружен. Он был очень лаконичен и это тоже выглядело странно, поскольку в другое время Фриц обычно находил минутку, чтобы переброситься парой фраз с почтальоном и задать несколько вопросов. По уверению почтальона, его посещение дома Ангерштейна имело место около 14 часов [т.е. примерно за 2,5 – 3 часа до нападения].

Странные свидетельства этим не ограничились. Связавшись с ван дер Ципеном (van der Zypen), владельцем предприятия, которым управлял Фриц Ангерштейн, следствие узнало много интересного.

Фриц управлял карьером с 1917 г., прежняя компания, испытывавшая финансовые затруднения, продала предприятие ван дер Ципену в 1921 г. Новый хозяин взялся за модернизацию производства – купил новый экскаватор, поставил более мощные ленточные транспортёры, приобрёл грузовые автомашины. Добываемый известняк он решил не продавать на рынке, а использовать как сырьё при производстве цемента, весьма востребованного в то время на строительном рынке Германии. Для этого бизнесмен построил цементный завод, наладил поставки необходимых компонентов, выстроил логистику процесса – в общем, подо-

шёл к делу всерьёз. Ангерштейн занимал в этой технологической цепочке весьма важную нишу, от ритмичности работы управляемого им карьера зависела напрямую производительность цементной фабрики. Ван дер Ципен по его словам, относился к Фрицу очень хорошо, ценил его как специалиста, предоставил ему для бесплатного проживания тот самый дом, который и явился местом преступления… Однако, в 1924 г. до владельца бизнеса стала доходить информация о злоупотреблениях управляющего.

Некоторые работники жаловались на махинации с учётом рабочего времени и оплатой труда, причём по отчётным документам, представляемым Ангерштейном в бухгалтерию головного офиса, всё выглядело обыденно, как и раньше. Сотрудники ван дер Ципена негласно собрали и проанализировали жалобы нескольких человек, после чего сопоставили их расчётные листки с теми данными, что Ангерштейн предоставлял руководству компании. Налицо было явное искажение отчётности, а это заставляло подозревать, что управляющий ведёт двойную бухгалтерию – одна используется для поддержания текущей работы предприятия, а другая, фальсифицированная, предоставляется руководству. Получив такую информацию, ван дер Ципен направил в Хайгер аудитора, которому предстояло проверить бухгалтерскую часть.

Аудитор приехал в Хайгер и явился к Ангерштейну без предупреждения ранним утром 29 ноября, т.е. в субботу, в выходной день. Фриц не успел замести следы своей незаконной деятельности и в результате аудитор за несколько часов работы обнаружил приписки на сумму почти на 15 тыс. марок. Речь шла о новых германских деньгах, т.н. «рентных марках», введенных в оборот в ходе денежной реформы Ялмара Шахта (1 рентная марка равнялась 1 триллиону дореформенных). Сумма была очень значительна, при фиксированном обменном курсе (4,2 рентных марки за 1$) величина ворованных средств превышала 3,5 тыс.$. Даже для богатых Соединённых Штатов такая сумма была бы весьма немалой, а уж для Германии конца 1924 года это было целое состояние![1]

Аудитор не сомневался, что его проверка позволила увидеть лишь малую часть злоупотреблений Ангерштейна. Он поговорил на эту тему с Фрицем, тот страшно возмутился претензиями проверяющего и заявил, что ничего не крал у ван дер Ципена, а напротив, последний обворовывал его, постоянно побуждая лавировать и оплачивать разного рода неучтённые и сопутствующие расходы из своего кармана. В общем, разговор вышел крайне нелицеприятный и резкий.

Итак, картина получалась презанятная! Во второй половине дня 29 ноября Ангерштейн узнаёт о подозрениях в свой адрес, высказанных аудитором довольно откровенно, а уже 1 декабря его дом (и по совместительству рабочее место!) сгорает при нападении таинственных грабителей. Какое совпадение, надо же! Ангерштейн, по-видимому, был крайне невезучим человеком… Либо, наоборот, очень везучим – это как посмотреть.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, но в высшей степени неожиданный поворот расследованию принесла работа упоминавшегося выше Георга Поппа (Georg Popp). Это был известный научный деятель, получивший степень доктора наук по химии и минералогии ещё в 1888 г., ко времени описываемых событий ему уже исполнилось 63 года. Помимо фундаментальных научных проблем, его долгие годы интересовали прикладные направления криминалистических исследований: связь следов крови с механизмом их образования, идентификация личности по папиллярному узору рук, возможность определения маршрута движения человека по минеральному составу грязи на подошвах обуви и т. п. Будучи состоятельным

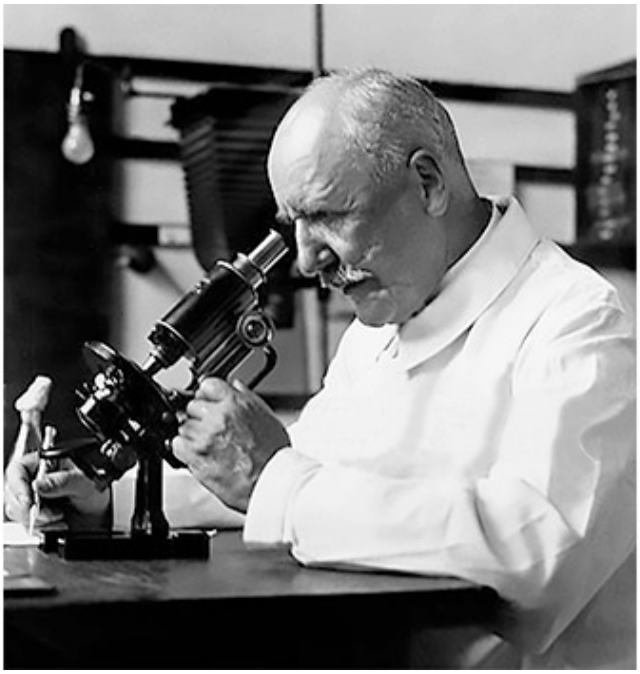
[1] Курс доллара США до Второй мировой войны довольно сложно соотнести с современным, но пользуясь разными товарными эквивалентами (спиртное, золото, обувь, коррелируемые по качеству продукты питания) можно утверждать, что покупательная способность доллара до 1939 года превышала аналогичный показатель для доллара 2023 года в 35—100 раз. Считая, что нынешний доллар обесценился «всего» в 40 раз – а это корректная оценка! – мы получаем, что приписки Ангерштейна равнялись ~140 тыс. современных долларов США.

человеком, Попп в 1889 г. открыл на собственные средства криминалистическую лабораторию, которая впоследствии выросла в Институт судебной химии и микроскопии.

Георг Попп принял участие в расследовании большого числа преступлений, многие из которых мы, пользуясь современной терминологией, могли бы с полным основанием назвать «резонансными». Так, например, в 1904 г. он был приглашён в качестве консультанта для участия в расследовании убийства крупного предпринимателя и филантропа Ричарда Лихтенштейна. В этом деле имелись как раз те детали, на изучении которых специализировался Георг Попп – предметы со следами окровавленных рук и брызги крови различной формы на большом протяжении от места обнаружения трупа. Однако, участие Поппа мало помогло расследованию – эксперт признал, что не в силах восстановить последовательность перемещений убийцы и жертвы, а также идентифицировать человека, оставившего кровавые отпечатки пальцев.

Через 9 лет Георг Попп сумел полностью восстановить своё реноме, разоблачив серийного убийцу и мошенника Карла Хопфа. Последний методично травил родственников мышьяком, предварительно застраховав их жизни на значительные суммы. Первые четыре убийства сошли Хопфу с рук, никто из окружающих ничего не понял и о подозрениях полиции не заявил. Пятая попытка закончилась неудачей, жена (это уже была вторая жена убийцы) заподозрила неладное и скрылась в неизвестном направлении, не сообщив о своих подозрениях полиции. Хопф женился в третий раз и вновь повторил свой фокус со страхованием жизни и мышьяком в коньяке. Эта попытка также закончилась неудачей, жертва попала в больницу и именно этот инцидент привёл к возбуждению расследования. Преступник быстро попал под подозрение и был задержан с поличным, когда явился к жене в больницу с флаконом яда в кармане. Если попытка убийства представлялась довольно очевидной, то предыдущие эпизоды, растянувшиеся почти на 10 лет, доказать было очень сложно.

Георг Попп оказался тем специалистом, кто сумел это сделать. Собрав биоматериалы из эксгумированных тел отца, матери, первой жены и сына убийцы, Попп выделил из них мышьяк, что и было использовано на суде в качестве доказательства многоэпизодности преступных похождений обвиняемого (если быть совсем точным, то значительное превышение нормы содержания мышьяка было доказано только для трупа первой жены, но поскольку были соблюдены прочие условия – наличие страховки в пользу обвиняемого и скоропостижная смерть жертвы – то следствие посчитало, что и остальные лица были умерщвлены посредством отравления). Выводы Поппа привели в конечном итоге Хопфа на жёсткий и узкий лоток гильотины.



Георг Попп. Выдающийся немецкий криминалист отправил на скамью подсудимых больше опасных преступников, чем иной заслуженный детектив.

С 1914 г. Георг Попп читал курс судебной медицины студентам медицинского и юридического факультетов в университете имени Гёте в г. Франкфурт-на-Майне. Активная научная и общественная деятельность Поппа растянулась более чем на четыре десятилетия (он умер в 1943 г. в возрасте 82 лет) и за это время он принял участие в расследовании более чем 120 преступлений. Не будучи сотрудником правоохранительных органов, Попп изобличил убийц больше, чем иное крупное полицейское подразделение за то же самое время. Что ж тут сказать: неординарный человек с неординарной судьбой, заслуживший целую книгу (о нём можно прочесть большую статью в «Википедии», хотя статья эта достаточно лаконична и не сообщает некоторые любопытные детали его расследований)!

Как уже упоминалось, ранним утром 2 декабря, когда стало ясно, что дом Ангерштейна полон трупов, Поппу позвонили во Франкфурт-на-Майне и попросили прибыть в Хайгер, дабы принять непосредственное участие в розыске преступников. Профессор примчался через несколько часов и лично осматривал место преступления и обнаруженные трупы. Попп дактилоскопировал трупы – те, разумеется, с которых можно было снять отпечатки пальцев – а также проделал эту манипуляцию с Ангерштейном, находившимся в больнице. Полученные отпечатки он принялся сравнивать с теми, что удалось зафиксировать на месте преступления и на уликах. Никакой системы в этом не было, он действовал наобум.

Каково же оказалось его удивление, а также удивление следственных работников, когда выяснилось, что кровавые отпечатки пальцев на топоре совпадают с… отпечатками пальцев Фрица Ангерштейна, единственной выжившей жертвы нападения! Это открытие могло означать только одно – хозяин дома касался топора, явившегося орудием убийства, и при этом его руки были в крови. Возможно, это была кровь самого Ангерштейна, он ведь был ранен, но гораздо более вероятным представлялась совсем иная картина произошедшего – Фриц сам убивал людей в своём доме. Подобное допущение сразу расставляло всё по своим местам – и странный вид хозяина дома, открывшего дверь почтальону, и чудесное спасение от грабителей, и даже исчезновение грузовика, стоявшего возле дома. Ангерштейн сам отогнал автомобиль за пределы Хайгера, после чего пешком вернулся в дом, зайдя по пути в магазин и купив там пару плиток швейцарского шоколада.

К полуночи 2 декабря, т.е. концу первых суток расследования, дело фактически было раскрыто. Осталось лишь добиться признания вины самим Ангерштейном и получить из его уст необходимые разъяснения деталей содеянного.

На следующий день в больничную палату в раненому явился прокурор и в ходе последовавшего официального допроса обвинил Ангерштейна в убийстве 8 человек, саморанении и имитации ограбления с целью введения следствия в заблуждение. Фриц затруднился с объяснением некоторых деталей, в частности он заявил, будто не помнит о своём визите в бакалейный магазин и покупке шоколада. Когда же зашёл разговор о времени нападения «грабителей», Ангерштейн стал утверждать, будто это случилось во второй половине дня, ближе к вечеру, что явно противоречило заключению судебных медиков, заявивших, что первые убийства произошли ранним утром.

Во время изложения деталей нападения и рассказа о собственном ранении Фриц оставался достаточно спокоен и полностью контролировал себя. Однако, когда речь зашла о выявленных аудитором хищениях денежных средств, сдержанность покинула управляющего. Он чрезвычайно занервничал и эмоционально заявил, что не крал деньги у ван дер Ципена, а лишь возвращал то, что владелец предприятия ему недоплачивал. Согласно утверждениям Ангерштейна, за весь период владения известковой каменоломней ван дер Ципен обсчитал его не менее чем на 90 тыс. или даже 100 тыс. рентных марок. Их-то он себе и вернул! Это было очень любопытное признание, поскольку аудитор называл сумму намного меньше (напомним, в его показаниях речь шла о 15 тыс. марок).

Услыхав же об обнаружении отпечатков собственных окровавленных рук на топорище, Фриц лишь пожал плечами. Он то ли не понял всей серьёзности этой улики, то ли просто не поверил допрашивавшему. Свою причастность к массовому убийству он категорически отверг и это запирательство до некоторой степени озадачило следователя своей очевидной неразумностью. Тем не менее, Фрицу Ангерштейну было заявлено, что он официально считается подозреваемым в убийстве 8 человек и поджоге собственного дома, а потому отныне все его контакты с окружающими будут проходить исключительно в присутствии сотрудников полиции. На Ангерштейна распространяются все ограничения, присущие режиму содержания в тюрьме, в том числе на владение колюще-режущими предметами, письменными принадлежностями и наличными деньгами.

Уходя, прокурор настойчиво рекомендовал Фрицу связаться с родственниками, способными представлять его интересы в процессуальных действиях, и озаботиться поисками адвоката. Чтобы стало ясно, о каких таких «процессуальных действиях, предполагающих присутствие представителя обвиняемого» идёт речь, можно сказать, что к середине дня 3 декабря уже было известно о наличии у Фрица Ангерштейна банковских ячеек в двух банках и абонентских ящиков в двух почтовых отделениях. Поскольку предстояло провести выемки находившегося в них содержимого, желательно было присутствие при этом представителя обвиняемого (нельзя не признать, кстати, что полицейская власть в Веймарской республике вела себя достаточно деликатно. Их коллеги из тогдашней советской Рабоче-Крестьянской красной милиции «заморачиваться» такими пустяками не стали бы однозначно!).

Нежелание Фрица Ангерштейна признать свою вину создавало определенную проблему для следствия. Она не была неразрешимой, в принципе, для придания суду не требовалось сознание обвиняемого, но оно, тем не менее, было желательно. Можно было потратить пару недель или даже месяц на «созревание клиента» (как говорил герой Папанова из кинофильма «Бриллиантовая рука») и возможно, попав после больницы в тюрьму, подозреваемый достиг бы нужной для признания вины кондиции. Однако сие было совсем не факт и подозреваемый, оказавшись в условиях строгой изоляции, мог, напротив, совершенно замкнуться.

Происходящее подтолкнуло следствие к выяснению обстоятельств жизненного пути предполагаемого убийцы и деталей, способных пролить свет на мотивы содеянного им. На этом пути следствие ожидали весьма неожиданные открытия.

Фриц Ангерштейн родился 3 января 1891 г. в городке Дилленбург, расположенном в непосредственной близости от Хайгера, и вся его жизнь оказалась связана с землёй Гессен на западе Германии. Сравнительно неподалёку – менее полутора сотен километров, – располагались крупные индустриальные центры набиравшей тогда мощь Германской империи: Франкфурт-на-Майне, Кёльн, Дюссельдорф, Дуйсбург. Отзвуки классовых сражений той поры доносились и до тихого провинциального Дилленбурга, благодаря чему отец Ангерштейна, член социалистической партии, попал сначала в городской совет, а затем умудрился стать городским головою. Хотя формально он считался человеком малообразованным, выходцем из рабочего класса, однако, привычка читать и заниматься самообразованием позволили ему превратиться в весьма эрудированного и неглупого общественного лидера. Известно, что он хорошо знал труды Карла Маркса, Прудона, но более всего разделял взгляды Каутского на «экономическое реформирование» капитализма. Перефразируя известный лозунг времён горбачевской перестройки, можно сказать, что мэр Дилленбурга боролся за «капитализм с человеческим лицом». По-видимому, отец будущего убийцы являлся неординарным человеком, во всяком случае, он питал почтение к науке и в таком же духе воспитывал детей. При этом он был строг и постоянно подчеркивал, что каждый человек должен добиваться места под солнцем собственным трудом и никаких наследственных привилегий быть не может.

Последний тезис имел прямое отношение к судьбе Фрица. Дело в том, что будущий убийца был седьмым ребёнком в семье, он родился ослабленным и с недостатком веса. Постепенно младенческие пороки удалось выправить хорошим присмотром и питанием, но в возрасте 10 лет у Фрица был выявлен туберкулёз лёгких. Считалось, что это болезнь бедняков, «люмпенов», как говорили тогда (т.е. деклассированных людей, отвергнутых социумом). Но ужас туберкулёза заключался в том, что от пресловутых «люмпенов» палочка Коха легко передавалась и вполне приличным членам общества. Тут достаточно сказать, что в 1899 г. от туберкулёза в возрасте 28 лет умер Георгий Александрович, младший брат Николая II, последнего монарха Российской Империи. Понятно, что даже если члены королевских семей той эпохи не были застрахованы от заболевания туберкулёзом, то что можно сказать в этом отношении о рядовых обывателях? Это была ужасная болезнь, которую тогдашняя медицина толком лечить не могла: существовали разного рода паллиативные подходы к лечению, но ввиду отсутствия антибиотиков, избавиться от болезни представлялось делом почти невозможным.

Однако, в начале 20-го столетия появилась новая методика, которая могла радикально помочь избавиться от болезни. Суть её заключалась в том, что поражённую туберкулёзным процессом часть лёгкого иссекали и одновременно удаляли несколько рёбер выше. Обычно туберкулёзные каверны сосредотачивались в нижней части лёгкого, поэтому если её убрать и удалить вышележащие рёбра, то лёгкое получало возможность для роста верхних отделов. Если такую операцию провести на ребёнке, то в процессе последующего роста организма негативные последствия хирургического вмешательства будут компенсироваться ростом лёгкого и человек сможет жить, практически не замечая того, что лишён части легкого. Это была прорывная для того времени технология и родители Фрица Ангерштейна согласились на её применение к сыну.

Надо отдать им должное – они желали Фрицу добра и, даже ставя под угрозу его жизнь, надеялись эту самую жизнь ему спасти.

Невероятно, но операция помогла! Маленькому Фрицу отрезали треть правого лёгкого, вскрыли грудь, точно консервную банку (уж извините за сравнение!), удалили три верхних ребра… Мать две недели безотлучно по ночам дежурила с кислородной подушкой возле кро-

вати сына, поскольку перед рассветом тот обычно начинал задыхаться, даже не просыпаясь. И постепенно Фрица «выцарапали» с того света! Исцеление это казалось фантастическим! Такая ужасная пещерная технология, сильно травмирующая пациенат как физически, так и морально, но – она сработала! Фриц Ангерштейн выжил и со временем даже стал относительно здоровым человеком. В том смысле, что не жаловался на дыхание и хорошо переносил физические нагрузки, в повседневной жизни ни в чём себе не отказывал: он легко взбегал по лестницам, мог совершать долгие пешие прогулки, носил в поездках свой багаж, т.е. вовсе не казался инвалидом. Хотя, разумеется, отсутствие рёбер накладывало серьёзные ограничения на возможность выполнения тяжёлой физической работы – и по этой причине, кстати, Фриц не призывался в армию и Первая Мировая война прошла, что называется, мимо.

Впрочем, тут мы немного забежали вперёд. Мальчик прошёл долгий курс реабилитации, во время которого не мог посещать школу. Учился он по учебникам самостоятельно, кроме того, предоставленный самому себе на долгие часы, имел возможность много читать. Тяга к чтению всемерно поощрялась родителями, благо отец, как уже было отмечено, сам занимался самообразованием и считал, что оно способно заменить формальное обучение в школе и университете. Тяжелая болезнь, связанные с нею страдания, одиночество и тяга к чтению обусловили формирование у юного Фрица Ангерштейна довольно специфического характера – он рос нелюдимым, задумчиво-мрачным, целеустремленным и настойчивым. За внешней сдержанностью и малообщительностью, однако, скрывался темперамент взрывной и малоуправляемый.

К 1905 г. Фриц восстановился уже в полной мере. В свои 14 лет он превратился в достаточно высокого для того времени (рост 168 см) сутулого юношу, экстерном сдавшего учебный курс средней школы. У него не было друзей-сверстников – он просто не успел их найти ввиду болезни и лечения, – а потому подросток оказался лишён многого из опыта социализации мальчиков. Конечно, этот недостаток он компенсировал вежливостью и воспитанием, но некоторые аспекты поведения в обществе нужно постигать только личным опытом, не так ли? У Фрица всю жизнь были проблемы с женщинами и корни этого, видимо, уходили как раз в пору юности. Школьное образование его в возрасте 14 лет было закончено, отец решил, что сын получил уже достаточно академических знаний и пора начинать приносить в дом деньги.

Что и говорить, подход был по-немецки рационален и даже циничен, но для того времени это считалось нормой. Многие сверстники Фрица в этом возрасте бросали школы и шли обучаться ремеслу: плотничать, столярничать, класть кирпич… Поскольку Фриц фактически был инвалидом и не мог выполнять тяжёлую физическую работу, отец договорился, чтобы его взяли на обучение в страховую компанию.

Устроили Фрица учеником сюрвейера, особого человека, проверяющего и оценивающего имущество перед заключением договора страхования. Опыт этот оказался очень полезен – Ангерштейн увидел страховой бизнес изнутри, приобщился к азам работы финансовых компаний, понял как и из чего делаются деньги. Работа помогла молодому человеку завести полезные связи, поскольку его семья была хорошо известна в округе, а теперь и он сам вступал в деловые отношения с местными жителями. Набравшись опыта, Фриц был допущен к самостоятельной работе и несмотря на отсутствие специального бухгалтерского образования, дела у него пошли очень даже неплохо. Главная проблема в жизни Фрица Ангерштейна того времени заключалась, пожалуй, в его одиночестве. У него не было друзей, ему не с кем было пропустить кружечку-другую пива вечером трудного дня, а старшие сёстры и братья мало могли ему в этом помочь – у всех была своя жизнь.

Впрочем, к двадцати годам Фриц вроде бы отыскал человека, способного скрасить его одиночества, но выбор этот, как показали дальнейшие события, явился главной ошибкой всей его жизни.

Ангерштейн познакомился с Кетэ Барт в 17 или 18 лет, когда явился осмотреть дом, в котором проживала семья девушки, с целью его последующего страхования. Кетэ была на год

младше Фрица. Довольно долго встречи их носили характер эпизодический и ничего не значащий. Лишь в 1911 г. Фриц активизировался и стал ухаживать за девушкой так сказать формально, т.е. назначать свидания, провожать и демонстрировать символические знаки внимания. Женитьба, наверное, могла бы помочь Фрицу обрести душевный комфорт, но в качестве объекта своей привязанности молодой человек выбрал девушку, мягко говоря, неподходящую.

Трудно сказать, что именно с Кетэ Барт было «не так», но девушка была явно проблемная и проблемы эти лежали в области психиатрии. Наверное, сейчас бы ей поставили диагноз шизофрения, но в первом десятилетии 20-го века не существовало ни этого термина, ни понятия об этой болезни. То, что сейчас понимают под шизофренией, тогдашняя психиатрия разделяла на несколько различных заболеваний. Нельзя исключить того, что причина расстройства здоровья Кетэ крылась в дурной наследственности и отклонения в её поведении были связаны вовсе не с душевной болезнью, а органическим поражением мозга.

Впоследствии – т.е. уже после убийства матери и дочери – высказывались предположения о том, что Катарина, мать Кетэ, в дни молодости занималась проституцией и если в те годы она перенесла венерическую болезнь, то вызванные ею осложнения вполне могли передаться детям. Не будем забывать, что речь идёт о 19-м столетии, то есть таком времени, когда лечение сифилиса ртутьсодержащими препаратами подрывало здоровье лишь немногим менее самой болезни. К сожалению, о молодых годах Катарины Барт известно крайне мало, имеются лишь невнятные свидетельства о её высоком росте, красоте, властном характере… Дамочка эта умела управляться с мужчинами и тем удивительнее то обстоятельство, что по меркам своего времени замуж она вышла довольно поздно – аж в 27 лет! – а детей рожала ещё позже (всего Катарина родила четырёх девочек). В общем, нельзя исключать того, что проблемы Кетэ связаны не лично с нею, а лишь являются следствием бурной молодости матери.

Вернёмся, впрочем, к Кетэ. Девушка никогда не обследовалась у психиатров, а потому и считалась по умолчанию здоровой. Между тем, это было совсем не так. Настроение девушки было подвержено резким переменам, она время от времени переживала странные обморочные состояния, надолго отказывалась от еды и без всяких внешних причин подолгу испытывала тоскливое раздражение. Иногда же она, наоборот, без всяких внешних к тому предпосылок словно расцветала и её начинала переполнять энергия. «Я питаюсь солнечным светом», – написала Кетэ в одном из своих писем Фрицу и обстоятельства её жизни заставляют думать, что фразу эту следует понимать буквально. Девушка действительно надолго отказывалась от еды, её обуревали весьма странные фантазии, вроде, купания в лесном ручье, переезда для постоянного проживания на ледник в Швейцарию и т. п.

Неудивительно, что её здоровье было расстроено и в части женской физиологии (как раз удивительным оказалось бы то, если бы в этом отношении она была здорова). Кетэ не могла забеременеть, а если всё-таки зачатие изредка происходило – то не могла выносить плод. За 13 лет супружества она не смогла родить ни одного ребёнка и пережила по меньшей мере 6 выкидышей, что разрушительно сказывалось как на её физическом здоровье, так и психоэмоциональном состоянии. У Кетэ выпали зубы, она рано превратилась в измученную жизнью старушку, хотя на момент убийства была сравнительно молода (всего-то 32 года). Такая женщина не была счастлива и не могла сделать счастливым другого.

К сожалению, Фриц во время ухаживания не сознавал тяжести возможных последствий оного и никто из близких не указал ему на опасность необдуманного выбора такой жены. После довольно краткого, уложившегося всего три месяца, периода ухаживаний Фриц и Кетэ сочетались браком. Во многом период ухаживаний явился обычной данью провинциальному пониманию приличий, а потому Фриц не понял некоторых важных деталей, которые впоследствии стали неотъемлемым элементом его семейного быта. Прежде всего, Кетэ находилась под каблуком своей матери Катарины Барт, которая позволяла себе вмешиваться в её жизнь бесцеремонно и по любому поводу. Бессловесная и безвольная Кетэ так и не сделалась полноценной

хозяйкой дома и после женитьбы Фриц с удивлением понял, что всем в его семье заправляет тёща. Со стороны можно было подумать, что Фриц женился вовсе не на Кетэ, а на её матери.

Но это было только полбеды! Другая проблема заключалась в том, что Катарина, подобно дочери, тоже вряд ли была вполне здорова психически. О возможном занятии ею проституцией в молодые годы упомянуто выше – это неизвестно достоверно, но ряд соображений заставляют думать, что дыма без огня не бывает. Катарина была не местной и никто толком не знал, где и как она провела свою молодость. Женщина была привлекательна и энергична, муж её – почтовый чиновник, – умер сравнительно молодым в возрасте 42 лет. Самое интересное в этой связи заключается в том, что Катарина постоянно нанимала в качестве домашней обслуги одиноких женщин средних лет, предлагая полный пансион, т.е. проживание под одной крышей. Периодически она заменяла обслугу… Фриц Ангерштейн рассказывал родным, что был очень недоволен работой этих женщин, которые всегда были плохими кухарками и неряшливыми горничными, но… их почему-то очень любила Катарина. Она не позволяла их увольнять и вела себя как работодатель этих женщин, хотя расплачивалась деньгами Фрица.

Трудно удержаться от подозрения, что отношения Катарины с женской обслугой были весьма и весьма далеки от деловых. В противном случае трудно понять странность предпочтений тёщи. Сам Ангерштейн никаких подозрений насчёт сексуальных наклонностей Катарины не высказывал, возможно, ему просто не приходили в голову мысли такого свойства. Жизненного опыта не хватало, элементарных для взрослого мужчины знаний, наконец, рядом с ним просто не оказалось людей, которые могли бы направить его размышления в нужное русло…

Поэтому когда Фриц сделался мужем Кетэ, то получил весьма и весьма неприятный «довесок» в виде наглой нахрапистой тёщи. Однако, этим список малоприятного «приданого» не исчерпывался. Ангерштейну пришлось терпеть в доме присутствие и младшей сестры своей жены – Эллы Барт. Элла на момент свадьбы была милым ребёнком, ей исполнилось тогда всего 5 лет. Сама по себе девочка злой не была и заметных проблем, наверное, не создавала, но по мере взросления ситуация менялась. Проблемы, связанные с материальным обеспечением Эллы незаметно, но прочно, оказались возложены на Фрица. Когда девочка подросла, именно ему пришлось изыскивать деньги на оплату её содержания в пансионе для девочек и всевозможные сопутствующие расходы.

В каком-то смысле положение Фрица Ангерштейна очень напоминало то, в котором оказался поэт Александр Пушкин после бракосочетания с Натальей Гончаровой. Пушкин, как известно, женился по любви, но он не только взял бесприданницу (приданое Натальи он тайно вручил её матери перед свадьбой, так что в виде приданого фактически получил обратно свои же собственные деньги!), но и надел на себя тяжкое ярмо в виде нищих родственников. Две сестры Натальи жили в петербургской квартире поэта, создавая весьма заметные бытовые обременения. Достаточно сказать, что Наталья – фактически хозяйка дома! – была вынуждена спать в проходной комнате… Вообще, бытовые условия Александра Сергеевича Пушкина являются чрезвычайно любопытной темой, всем, кто не в курсе, автор настоятельно рекомендует при первой же возможности сходить на экскурсию в Музей поэта на набережной Мойки в Санкт-Петербурге… узнаете очень много неожиданного про жизнь камер-юнкера николаевской эпохи и величайшего поэта России.

Так вот Ангерштейн оказался в положении, сильно напоминавшем положение Пушкина. Фриц постоянно работал, и вроде бы, неплохо зарабатывал, но деньги постоянно куда-то уходили. Кетэ не была полноценной хозяйкой дома и во всём полагалась на руководство матери, а мать, т.е. тёща Фрица, чужих денег не считала. Фрицу постоянно надо было что-то оплатить, погасить долг, внести платёж за рассрочку и т. п.

В общем, молодой человек, женившись, сильно просчитался и эта ошибка чёрной кляксой отметила всю его последующую жизнь.

При этом карьера Фрица складывалась неплохо. Поработав почти 10 лет в страховом бизнесе, он получил весьма выгодное предложение устроиться по схожей специальности в крупной компании «Нассаухше Бергбау АГ» («Nassauische Bergbau AG»). Это был консорциум предприятий добывающей промышленности, продукцией которых являлись рудные полезные ископаемые: железо, свинец, цинк. «Нассаухше Бергбау АГ» была в числе первой сотни стратегических компаний кайзеровской Германии, ковавших перед Первой Мировой войной могущество этого «локомотива Европы».

Ангерштейн устроился инспектором шахтного оборудования и со своим опытом сюрвейера оказался очень востребован. В его задачу входило оценивать состояние техники и давать рекомендации руководству компании по страхованию рисков (страхование было обязательно). Несмотря на молодость – ему шёл всего лишь 23-й год, – Фриц выполнял важную работу и пользовался уважением коллег. После начала Первой Мировой войны он избежал мобилизации ввиду перенесенного туберкулёза и операции и спокойно продолжал работу в тылу. Поскольку предприятия «Нассаухше Бергбау АГ» располагались по всей стране, Ангерштейну приходилось проводить много времени в командировках, что было выгодно в материальном отношении и служило прекрасным поводом для того, чтобы подолгу уезжать от семьи.

Впоследствии Фриц признавался, что годы работы в «Нассаухше Бергбау АГ» явились лучшей порой его жизни. Однако, с работой на выезде пришлось в 1917 г. покончить. Дело заключалось в том, что лазание по шахтам негативно отразилось на здоровье Фрица – всё-таки у него была сильно повреждена дыхательная система и для поддержания здоровья важно было избегать условий, чреватых легочными осложнениями. Понятно, что плохо вентилируемые, сильно запыленные и загазованные шахты самым пагубным образом влияли на здоровье Ангерштейна.

Руководство компании с пониманием отнеслось к проблемам перспективного сотрудника. Фрицу было предложено возглавить небольшое подразделение, занимавшееся добычей известняка немного южнее Хайгера. Строго говоря, там располагались три карьера, двумя из которых Ангерштейну предложили управлять (третий не принадлежал «Нассаухше Бергбау АГ»). Хайгер располагался поблизости к родному Диллендорфу, где проживали члены семьи Ангерштейна, так что предложение следовало признать выгодным во всех отношениях. Тем более, что компания-работодатель оплачивала переезд и предоставляла для проживания вполне достойный двухэтажный дом. Правда, первый его этаж должен был использоваться как служебное помещение, но это была нормальная для того времени практика. Многие магазины, банки, разного рода конторы обустраивались по такому же принципу – наверху жили сотрудники, а внизу располагались служебные помещения. Летом 1917 г. Фриц вместе с женою, тёщей и служанкой перебрался в Хайгер. Элла Барт, младшая сестра жены, в то время училась в гимназии и жила на полном пансионе отдельно.

Поражение кайзеровской Германии в Первой Мировой войне, революционные мятежи, последующее крушение монархии и становление Веймарской республики, самого, пожалуй, демократичного государства в мире вплоть до 1933 г., на укладе жизни Фрица Ангерштейна почти не отразились. Карьер не прекращал работу, строительные материалы оставались востребованы несмотря на послевоенный экономический кризис, так что Ангерштейн прожил несколько лет относительно благополучно.

Но в 1920 г. над «Нассаухше Бергбау АГ» стали сгущаться тучи. Экономический спад привёл к уменьшению закупок продукции компании промышленностью и руководство решило оптимизировать структуру бизнеса. Для этого следовало избавиться от непрофильных активов и известняковые карьеры в Хайгере относились к их числу. Покупателем явился крупный предприниматель ван дер Ципен, владевший уже аналогичным карьером. Сделка состоялась в 1921 г. и новый хозяин поначалу полностью сохранял все те условия, на которых Ангерштейн

работал ранее. За ним даже остался дом в Хайгере, в котором Фриц и его семья продолжали жить фактически без арендной платы.

Однако, со временем новый хозяин принялся «закручивать гайки», объясняя это тем, что развитие бизнеса требует инвестиций и всемерной экономии. Трудно сказать, насколько ван дер Ципен был честен с подчинёнными, но фактом является то, что общая обстановка в стране никак не способствовала равномерной загрузке производства. В 1922 г. в Германии стала раскручиваться инфляционная спираль, что быстро отразилось на экономической ситуации. Предприятия сначало пытались приспособиться к росту цен, а затем начали закрываться и объявлять локауты (массовые увольнения). В течение года денежная масса в обороте увеличилась в 92 раза, розничные цены – в 185 раз, а курс доллара США – в 230. Если в 1921 г. 1$ стоил 190 марок (осредненно за год), то в январе 1923 г. – уже более 4300 марок. Все эти явления, хорошо известные жителям современной России, вызвали вполне очевидную цепь событий: производство стало снижаться, а сбережения населения и банковский капитал «побежали» в ликвидные деривативы, не подчинявшиеся властям Веймарской республики, т.е. в иностранную валюту, драгоценные металлы, ювелирные украшения.

Осенью 1923 г. грянул т.н. гиперинфляционный кризис, страна в течение нескольких месяцев пережила одну из самых катастрофичных инфляций в истории современной цивилизации. К концу ноября того года 1$ стоил 8 млрд. марок и это был отнюдь не потолок! Через месяц, к Рождеству 1923 г., на пике цен буханка хлеба продавалась за 430 млрд. марок, а 1 кг. сливочного масла – за 6 трлн. марок. Проезд в трамвае оставался сравнительно дёшев – всего-то 150 млрд. марок. Самая крупная в наличном обороте банкнота имела номинал 100 трлн. марок, что примерно соответствовало цене 25$ при покупке в коммерческом банке (на чёрном рынке доллар стоил дороже).

Первое немецкое моторизованное такси, фактически мотоцикл с коляской. После Первой мировой войны уровень благосостояния в Германии, несмотря на значительные репарационные выплаты, восстановился довольно быстро. В начале 1920-х гг. казалось, что страна встала на путь устойчивого роста благосостояния населения, явственным признаком которого явилось появление во многих городах Германии служб заказа такси. Однако в 1923 г. Веймарская республика оказалась ввергнута в жестокий кризис…

Вообще, обстановка в Германии той поры отлично описана в романах Ремарка…

В стремительно ухудшающихся условиях ведения бизнеса ван дер Ципен наделил Ангерштейна большими полномочиями по регулированию отношений с рабочими и клиентами.

Но… возложив новые обязанности и предоставив новые возможности, забыл увеличить заработную плату. Фриц, считая, что хозяин его обманывает и фактически эксплуатирует его навык ведения дел, принял меры для должного «вознаграждения» самого себя. Начиная с первой половины 1923 г. он принялся искажать отчётность, завышая выплаты рабочим и занижая истинные объёмы некоторых поставок продукции. Получавшуюся маржу он клал себе в карман. Вполне возможно, что грешить этим Ангерштейн начал гораздо ранее, но аудитор, проверявший документы компании, видел лишь отчётность за полтора года. Провести же полную ревизию документации предприятия не представлялось возможным по причине её гибели в огне 1 декабря.

В условиях гиперинфляционного обвала Директор Имперского банка Ялмар Шахт, один из отцов будущего нацистского «экономического чуда», решился на меры шоковой терапии. В начале 1924 г. по его инициативе в оборот была введена новая валюта, т.н. «рентная марка», чей курс был жёстко привязан к курсу американского доллара (он составлял 4,2 марки за 1$). «Старые» кайзеровские марки обменивались на новые из расчёта 1 трлн. «старых» марок за 1 рентную.

Зарплата Ангерштейна в новых экономических реалиях составила 390 марок в месяц. Фриц считал её неадекватной и жаловался знакомым и братьям на скаредность ван дер Ципена. Насколько эти жалобы были оправданны, судить сложно, ведь Ангерштейн проживал в большом доме, не платя никакой арендной платы. Он оплачивал коммунальные платежи, как мы сказали бы сейчас, т.е. личное потребление электроэнергии, угля и воды. Для сравнения можно указать величину заработной платы балетмейстера театра в Марбурге в том же 1924 г.: таковая составляла 3500 рентных марок в год, т.е. 290 в месяц.[2] Нельзя не признать того, что на фоне такого заработка доход Ангерштейна смотрелся весьма достойно.

Тем не менее, денег Фрицу, судя по всему, действительно не хватало. И происходило это из-за наличия рядом с ним «семьи». Слово это взято в кавычки неслучайно – эту ораву сумасшедших женщин сложно называть семьёй в точном значении слова.

Обстановка в «семье» в последние годы сделалась совершенно депрессивной. Кетэ, жена Фрица, стала демонстрировать признаки истероидной психопатии (термин «психопатия» употреблён сейчас не в криминально-психологическом его понимании, а в чисто клиническом). Женщина переживала периоды затяжных депрессий, объясняя происходившее с нею самыми разными причинами: то она сетовала на собственную неспособность родить любимому мужу ребёнка, то страдала от болей в желудке, почках, позвоночнике или ужасных мигреней, то заявляла, что она – плохая дочь, не оправдавшая надежд матери. В её мозгу постоянно генерировались новые поводы для разнообразных страданий. Причём, мучения эти не должны служить поводом для улыбки или вызывать сомнения в искренности женщины – нет! – Кетэ на самом деле страдала. У неё открывалась кровавая рвота, не позволявшая по несколько суток принимать пищу, исчезали месячные, либо наоборот, открывались совершенно ненормальные менструальные кровотечения… Доктор, наблюдавший состояние Кетэ на протяжении почти 5 лет, заявил во время следствия, что женщина действительно переносила немалые мучения

[2] Можно привести другое сравнение, показывающее адекватность заработка Ангерштейна условиям того времени. В июне 1929 г. английский шифровальщик из управления связи «Форин оффиса» Эрнест Олдхэм сделал попытку предложить свои услуги советской разведке. Доблестные чекисты, выученики Троцкого и Дзержинского, «кинули» бедолагу – шифр скопировали, а денег не заплатили, буквально вытолкав взашей потенциального агента-«инициативника». Впоследствии советская разведка поняла степень допущенной ошибки и с Олдхэмом было решено восстановить контакт. При первой встрече сотрудник советской разведки передал ему конверт с суммой эквивалентной 400$ – это была плата за шифр и компенсация за проявленное к англичанину неуважение. Зарплата шифровальщика в пересчёте на американскую валюту составляла тогда немногим более 2$ в неделю. Всего же Олдхэм за 4 года работы на Советский Союз получил 10 тыс.$, что, правда, не сделало его счастливым: в сентябре 1933 г. он покончил с собою, отравившись газом. Нас в данном случае интересует порядок денежных сумм, фигурирующих в печальной истории английского агента – сотрудник внешнеполитического ведомства, пусть и в маленьком чине, служил на ответственном посту за менее чем 10$ в месяц!

и о симуляции не может быть и речи. Но страдания её имели природу не физическую, а психическую, то есть, её желудок, почки и прочие органы оставались всё это время совершенно здоровы.

Ещё в 1921 г. – т.е. на 10 году супружества, – Кетэ предложила Фрицу развод, дабы тот мог найти новую женщину и стать отцом. Фриц благородно отказался. Почему он так решил, сказать сложно. С одной стороны, Фриц явно относился к Кетэ очень по-доброму и дорожил ею. С другой, не подлежит сомнению, что к тому времени он уже изрядно «наелся этой холодной перловой кашей», если пользоваться образным сравнением американского писателя Роберта Янга. К тому времени никаких иллюзий насчёт будущего счастья у Фрица быть уже не могло. Тем не менее, он не пожелал отделаться от жены что называется «малой кровью», хотя такой выход из положения был бы оптимален для всех.

О мотивации Ангерштейна, далеко не очевидной во многих случаях, мы поговорим ещё особо, пока же просто зафиксируем факт его нежелания разводиться с женою. Его ответ подтолкнул размышления Кетэ в направлении избавления от страданий и она… решила покончить с собою. Вполне понятный на первый взгляд ход мысли, вот только женщина и в этом сумела отыскать выход извращенно-ненормальный. Кетэ предложила Фрицу свести счёты с жизнью вместе с нею. Дескать, чтобы ты не страдал из-за моей смерти, давай умрём вместе.

Фриц подумал, подумал и… согласился. Летом того же 1921 г. он вместе с женой предпринял попытку утопиться в одном из горных озёр. Из этого ничего не вышло – когда они вошли в воду по горло с Кетэ приключилась истерика, она потеряла сознание и Фрицу пришлось её спасать. С точки зрения современного человека вся эта история звучит не просто противоречиво или недостоверно, а по-настоящему бредово и совершенно бессмысленно. Но сомневаться в том, что эти события действительно произошли, вряд ли следует.

Дело в том, что в день неудавшегося самоубийства супруги заехали к старшему брату Фрица, дом которого находился на пути в Хайгер. Брат видел портсигар с мокрыми деньгами, который Фриц взял с собою в воду, спрятав под майкой. Фриц рассчитывал, что деньги заберёт тот, кто будет вытаскивать его труп из воды – это будет своего рода плата за неприятный труд. История неудачного самоубийства, конечно же, рождает определенные сомнения в психическом здоровье самого Фрица Ангерштейна, поскольку нормальный человек вёл бы себя на его месте совершенно иначе и уж точно не полез бы топиться в озере вместе с нездоровой женой…

Родственники Фрица сообщили в декабре 1924 г. полицейским, что в 1923 г. имела место как минимум ещё одна попытка двойного самоубийства, но вполне возможно, что на самом деле таковых попыток было больше. Кетэ была нездорова и вряд ли могла остановиться самостоятельно, Фриц же не понимал, с кем имеет дело или попросту не находил рычагов воздействия на терявшую адекватность жену.

Другой проблемой, крайне обострившейся к концу 1924 г., явился конфликт Ангерштейна с тёщей из-за домашней прислуги. Минна Штоль, 44-летняя кухарка, чрезвычайно раздражала Ангерштейна. Кетэ жаловалась на пищу, приготовленную Минной, говорила, что не может её есть, чувствовала себя дурно и т. п. Фриц, будь его воля, давно бы рассчитал кухарку, но на защиту последней всякий раз горой вставал тёща. Почему Катарина Барт защищала кухарку, а не горячо любимую дочь, понять нельзя. Подоплёка этой странной интриги, видимо, никогда не будет раскрыта, поскольку все действующие лица, кроме Фрица, погибли в ночь на 1 декабря. Сам же Фриц в силу очевидных причин был заинтересован в том, чтобы представить события в выгодном ему свете.

Но как показал первый допрос раненого, тот не желал прислушиваться к голосу разума и полностью отрицал свою причастность к преступлению, вполне очевидную всем, кто хоть немного был знаком с теорией судебных доказательств. В принципе, Ангерштейна можно было судить уже при наличии одних только кровавых отпечатков пальцев на орудии убийства,

но правоохранительным органам требовалось восстановить картину произошедшего. А сделать это без сотрудничества Фрица представлялось весьма затруднительно.

Трудно сказать, как развивались бы события далее, но… тут Судьба заложила очередной странный зигзаг и в конечном итоге ситуация получила в высшей степени неожиданное развитие.

Следственная группа собралась вечером 3 декабря для обсуждения дальнейших действий и, проводивший допрос Ангерштейна прокурор сделал краткое сообщение о полном нежелании подозреваемого давать признательные показания. Присутствовавший на этом совещании профессор Кильского университета Гюстав Донэ предложил довольно оригинальный способ подтолкнуть Ангенрштейна к сознанию. Ход размышлений профессора был примерно таков: подозреваемый является человеком рационально мыслящим, придерживающимся в любой нестандартной ситуации однажды продуманной и выбранной схемы поведения и если мы хотим получить его признание, нам надо сломать выработанную им модель принятия решений. Другими словами, Ангерштейна надо поразить доводами, которые он не сможет парировать, но доводы эти должны лежать не в плоскости юридически корректных улик – он их попросту не воспринимает – а должны опираться на «чистую науку». Рационально мыслящий Ангерштейн поверит «чистой» науке просто потому, что он привык ей верить.

Донэ предложил разыграть Ангерштейна и заявить тому, что получено совершенно неопровержимое свидетельство убийства им человека – изображение из глаза одной из жертв, т.н. оптограмма. Это фотография глазного дна, полученная особым способом, которая будучи предъявленной в суде, разрешит все сомнения присяжных. После некоторого колебания, члены следственной группы согласились с предложением профессора Донэ, которому и предстояло лично реализовать предложенную мистификацию.

О чём идёт речь?

Ещё в середине 19-го столетия судебные медики разных стран Европы обратили внимание на существовавшие в криминальной среде поверья или суеверия, связанные с тем, будто в глазах умирающего человека фиксируется изображение предмета, на который был направлен взгляд. С одной стороны, подобное казалось полнейшей глупостью и бессмыслицей, но с другой… уже получила широкое распространение фотография, фиксировавшая световой поток в тончайшем слое чувствительной эмульсии, и нельзя было исключить того, что человеческий глаз может в каком-то отношении вести себя подобно фотопластинке. По мнению учёных 19-го века глаз – это сложный орган, заполненный коллоидной жидкостью, передающей световой поток от хрусталика на зрительный нерв в донной части глазного яблока. В момент смерти химические процессы в глазу останавливаются и последнее изображение остаётся «законсервированным» на глазном дне. Такая механистическая теория была вполне в духе того просвещенного времени…

Первый достоверный случай попытки зафиксировать «застывшее в глазу» изображение относится к 1863 г., когда молодой английский фотограф Уилльям Уорнер (William Warner) заявил, будто ему удалось сфотографировать световое пятно, оставшееся в глазу умершего. Трудно сказать, мистифицировал ли Уорнер умышленно или он просто не понимал, с чем столкнулся, но его заявления о возможности «извлечь из глаза застывшее изображение» вызвали немалый переполох в бульварной прессе. Рассказы английского фотографа об успехах проведенных им экспериментов (так никогда и никем не подтвержденных) в немалой степени способствовали насаждению веры в реальность оптического феномена.

Видимо, по этой причине уже в следующем году прокурор Венеции официально обратился к местному фотографу Николо Алинари с просьбой попытаться получить изображение из глаз 3 человек, ставших жертвами тройного убийства. Это были члены семьи, убитые и ограбленные в один вечер и считалось, что они должны были видеть одного и того же преступника. Фотограф, стремясь оправдать возложенные на него надежды, использовал для

фотосъёмки всевозможные приспособления и ухищрения. Однако, ни оптические линзы, ни гнутые зеркала, ни освещение различным цветом никакого практического результата не дали – изображений в глазных яблоках убитых не оказалось.

Информация о работе Алинари распространилась далеко за пределы Италии и уже в следующем – 1865 г. – парижский фотограф Бюрион (Bourion) представил на одном из научно-практических заседаний французского общества судебной медицины подборку из дюжины фотографий, якобы доказывавших долговременную фиксацию глазами умирающих людей неких оптических эффектов. Бюрион догадался вскрывать глазные яблоки, чтобы получить полный доступ к их донной части. Результат оказался, мягко говоря, неоднозначным. Какие-то изображения, вроде бы, на дне глазного яблока обнаруживались, но что они означают и действительно ли связаны с последним прижизненным взглядом, понять было трудно. Кое-кто высказал соображение, согласно которому, Бюрион использовал неверную технику работы с глазами и вся проблема упирается лишь в разработку надлежащей технологии обработки глаза. Дескать, теоретическое обоснование правильное, но надо научиться необходимым приёмам и методам работы.

Изыскания в этом направлении продолжили французские врачи Огюст Габриэль (Auguste Gabriel) и Максим Верно (Maxime Vernois). Последний, кстати, был довольно известным медицинским специалистом широкого профиля, помимо судебной медицины он работал в области гомеопатии, педиатрии, охраны труда. Верно вошёл в мировую историю медицины как врач, научно доказавший превосходство грудного молока над его искусственными аналогами. Считая, что оптограмма может быстро деградировать ввиду посмертного разрушения микроэлементов и окисления на воздухе при вскрытии глазного яблока, Верно и Габриэль разработали технологию обработки и консервации глаза, которая была призвана сохранять изображение. Для проверки предварительных выводов и отработки технологии, Верно последовательно умертвил 16 кошек и собак, после чего извлекал и исследовал их глаза. Во время смерти животных перед ними помещались хорошо освещенные предметы различной формы – круги, квадраты и пр.– которые должны были обеспечить получение чётких, хорошо распознаваемых оптограмм.

Результат работ, однако, не оправдал возлагавшихся надежд. Ничего похожего на светлые геометрические фигуры исследователи на дне глазных яблок убитых животных не обнаружили. В 1868 г. они представили научному сообществу доклад, в котором констатировалась полная безуспешность проведенных работ, и более к этой теме не возвращались.

На протяжении следующего десятилетия оптограммы продолжали оставаться одним из феноменов городского фольклора, пока в 1877 г. немецкий врач Вильгельм Кюне не заявил, что ему удалось получить подтверждение существования данного явления. Согласно утверждениям учёного, изучая устройство глаза умерщвленной в лаборатории лягушки, он увидел при сильном увеличении зафиксированное в области глазного нерва перевёрнутое изображение стены помещения, в котором находился. В этом изображении Кюне даже рассмотрел портрет, висевший напротив того места на столе, где находилась лягушка.

Надо сказать, что Вильгельм Фридрих Кюне (Wilhelm Friedrich Kuhne) являлся отнюдь не рядовым учёным, а человеком, обессмертившим своё имя открытием ферментов. С 1871 г. он руководил кафедрой физиологии в Гейдельбергском университете, одном из крупнейших центров академической науки того времени. Сообщение Кюне вызвало огромный интерес у криминалистов и судебных медиков всего мира. Участие крупного учёного в исследованиях таинственного явления, казалось, гарантировало их успех (тут можно заметить, что само слово «оптограмма» введено в оборот именно Кюне).

Вильгельм Кюне, выдающийся учёный, оставивший след в истории мировой науки. Сейчас мало кто знает, что на протяжении ряда лет он самым серьёзным образом изучал вопрос «извлечения из глаза застывшего в нём изображения» и верил в реальность такого процесса. Само слово «оптограмма» – т.е. изображение, зафиксированное на дне глазного яблока перед смертью – введено в оборот именно Кюне.

Учёный разработал собственную теорию появления оптограммы, согласно которой происхождение этого феномена связано с процессом обесцвечивания родопсина, светочувствительного белка, находящегося в особых палочках сетчатки глаза. Помимо упомянутого обесцвечивания (т.н. фотолиз) в ходе многообразных химических взаимодействий происходит и обратный процесс – т.н. регенерация родопсина. Высокая чувствительность родопсина к свету и огромное число палочек обеспечивает высокую детализацию изображения, которое в человеческом глазу полностью помещается на участке глазного дна, противолежащем хрусталику, размером всего 1,5 мм.*1,5 мм. В момент смерти все химические процессы останавливаются, после чего начинается деградация глаза (помутнение и высыхание), на этом этапе оптограмма может быть утрачена в силу естественных причин.

Кюне считал, что изображение с сетчатки глаза умершего может быть успешно снято, но это надлежит делать максимально быстро после смерти и в условиях, минимизирующих попадание света в глаз. Обработка глаза должна проводиться в условиях, напоминающих те, в которых работают со светочувствительными материалами фотографы, т.е. в тёмном помещении при неярком свете лампы, дающей красный свет (как вариант, Кюне считал возможным пользоваться лампой жёлтого цвета). В течение нескольких лет врач провёл ряд экспериментов с глазами различных животных и заявил, что ему удалось отработать на практике технику получения оптограммы. Требовалось поставить точку в научной работе Кюне, а именно – провести эксперимент с глазами умершего человека.

Оптограммы, зафиксированные Кюне в глазах подопытных животных – лягушек, кроликов и собак. Белые полосы – это различные световые фигуры, помещенные перед животными в момент умирания (умерщвлялись они очень быстро с использованием яда кураре). Надо поинмать, что изображения перевёрнуты, т.к. хрусталик действует подобно двояковыпуклой линзе. На втором слева изображении можно видеть окно лаборатории Кюне с расстекловкой на 9 стёкол.

Благодаря большому научному авторитету и личным связям в среде высшего чиновного аппарата, Кюне в 1880 г. получил возможность поставить эксперимент по фиксации оптограммы на человеке. В качестве первого подопытного объекта была использована… умершая жена самого Кюне. Правда, результат оказался неудовлетворителен, поскольку разрешение на извлечение глазных яблок из трупа, данное земельным министром юстиции, было получено с некоторой задержкой. С момента смерти женщины минули двое суток, прежде чем Вильгельм Кюне получил в своё распоряжение глаза жены. Оптограмму учёный зафиксировать не смог, объяснив неудачу промедлением с момента смерти и обусловленной этой задержкой необратимой деградацией родопсина в глазах. Кюне настаивал на повторении эксперимента, только на этот раз требовал предоставить ему «свежий» труп.

Министр юстиции снова пошёл навстречу знаменитому учёному. В качестве подопытного на этот раз был выбран ещё живой детоубийца Эрхард Рейф, которого согласно судебному приговору предстояло казнить путём декапитации (отсечения головы) в ноябре 1880 г. Он убил своих сыновей Вильгельма и Адольфа, утопив их в Рейне в местечке Махау, так что не будет ошибкой сказать, что Рейф был крайне несимпатичной личностью. Казалось символичным, что своей смертью убийца невольно поспособствует изобретению технологии, с помощью которой в будущем станут изобличать других убийц.

Казнь Рейфа была намечена на 16 ноября и Кюне получил возможность заблаговременно подготовиться к эксперименту. Учёный оборудовал лабораторию в одном из подсобных помещений в здании тюремной церкви, разместив там необходимое оборудование (медицинское, оптическое, фототехническое). В окна были вставлены красные и жёлтые стёкла, источником света должен был служить красный фонарь.

В ночь с 15 на 16 ноября приговорённый проспал лишь один час – с четырёх до пяти часов утра. Остальное время он читал и писал при свете сальной свечи. В 8 часов утра, с восходом Солнца, смертника вывели из камеры на плац, где уже стояла собранная гильотина.

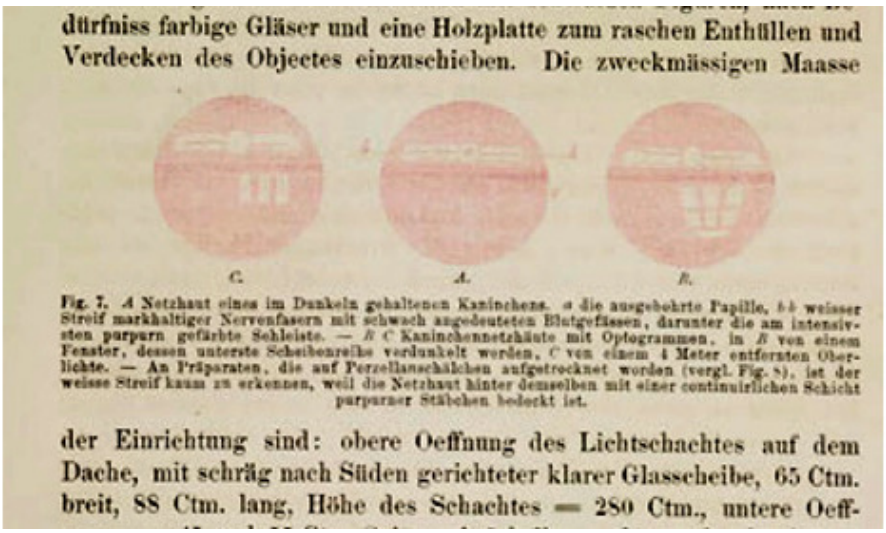
Священник прочитал отходную молитву и благословил приговорённого. Во время этой процедуры Рейф несколько раз поднимал взгляд на священника, так что логично было бы ожидать, что именно лицо пастора окажется запечатлено оптограммой. После краткого духовного наставления на глаза Рейфу надели повязку и подвели к гильотине. Саму гильотину он видеть не мог, так как до этого стоял к ней спиной.

После отсечения Эрхарду Рейфу головы помощник Кюне тут же доставил её в заранее подготовленное помещение. Кюне лично снял с глаз повязку, хирургическим путём извлёк глазные яблоки и затем вскрыл их таким образом, чтобы получить доступ к глазному дну. По оценке Кюне уже через 10 минут с момента смерти Рейфа глаза последнего были подготовлены соответствующим образом к тому, чтобы зафиксировать на фотопластинку запечатленную в них оптограмму.

Кюне полностью выполнил весь технологический цикл, который сам же и разработал, получил оптограммы из обоих глаз и… не понял, что же на них видит. Вместо священника, на которого Эрхард Рейф смотрел в последние секунды до того, как ему завязали глаза, оптограмма изображала некое колоколообразное световое пятно, которое не только не походило на человека, но не соответствовало вообще ничему из того, что мог бы видеть Рейф в последние минуты жизни.

Вильгельм Кюне, крайне озадаченный полученным результатом, попросил провести его тем маршрутом, которым Эрхард Рейф шёл к гильотине. Эта экскурсия не помогла понять тайну изображения. Тогда Кюне стал демонстрировать полученные фотографии работникам тюрьмы, надеясь, что те сумеют объяснить какой же объект мог бы так выглядеть… Однако, никто из тюремщиков ничем помочь исследователю не смог. Отгадки так и не последовало.

Кюне был вынужден официально признать, что попытка зафиксировать оптограмму в «почти идеальных условиях» окончилась полным провалом. Даже если эффект посмертной фиксации изображения в глазу действительно существует, разработанная Кюне технология не позволяла этот эффект использовать практически. К чести Кюне следует, безусловно, отнести то, что он не стал делать тайны из своего провала и в обстоятельной статье изложил как ход эксперимента с глазами Рейфа, так и признал его безрезультативность. В дальнейшем Кюне к вопросу получения оптограмм не возвращался, хотя прожил ещё почти 20 лет, на протяжении которых вёл плодотворную научную работу.


dürfniss farbige Gläser und eine Holzplatte zum raschen Enthüllen und Verdecken des Objectes einzuschieben. Die zweckmässigen Maasse

C. A. B.

Fig. 7. A Netzhaut eines im Dunkeln gehaltenen Kaninchens. a die ausgehöhlte Papille, b b weisser Streif markhaltiger Nervenfasern mit schwach angedeuteten Blutgefässen, darunter die am intensivsten purpurn gefärbte Sehleiste. — B C Kaninchennetzhäute mit Optogrammen, in B von einem Fenster, dessen unterste Scheibenreihe verdunkelt werden, C von einem 4 Meter entfernten Oberlichte. — An Präparaten, die auf Porzellanschälchen aufgetrocknet worden (vergl. Fig. 8), ist der weisse Streif kaum zu erkennen, weil die Netzhaut hinter demselben mit einer continuirlichen Schicht purpurner Stäbchen bedeckt ist.

der Einrichtung sind: obere Oeffnung des Lichtschachtes auf dem Dache, mit schräg nach Süden gerichteter klarer Glasscheibe, 65 Ctm. breit, 88 Ctm. lang, Höhe des Schachtes = 280 Ctm., untere Oeff-

Фрагмент одной из статей Кюне, в которой учёный показывает, как изменение размера зрачка влияет на оптограмму. Вводя подопытным животным атропин (с целью расширения зрачков) и быстро умерщвляя их ядом, Кюне фиксировал различные по степени детализации оптограммы. Это по его мнению доказывало объективное существование рассматриваемого феномена. Строго говоря, данное явление действительно имеет место быть и, возможно, с развитием медицинских технологий судебная медицина получит возможность извлекать образы из глаз умерших. Даже для нас, живущих в 21 столетии, такая технология представляется трудно достижимой, а уж в реалиях позапрошлого века это вообще кажется фантастикой покруче любых идей Жюля Верна…

Тем не менее, провал Кюне, признанный мировым научным сообществом, отнюдь не уничтожил городскую легенду, продолжавшую утверждать, будто в глазах убитого образ убийцы остаётся запечатлен навек. Люди малограмотные (и уголовники в их числе) продолжали искренне верить, что дыма без огня не бывает и что-то «такое хитрое» судебные медики умеют делать с глазами убитых… вот только не признаются в этом, чтобы преступники не прознали про это секретное оружие следствия.

Ярким примером живучести таких представлений может быть поразительная во многих отношениях история убийства в конце ноября 1927 г. английского полицейского Джорджа Уилльяма Гаттериджа. Последний остановил на просёлочной дороге в Эссексе автомобиль, угнанный получасом ранее сидевшими в нём Уилльямом Генри Кеннеди и Фредериком Гаем Брауном. Констебль услышал об угоне в участке перед тем, как отправиться в патрулирование, а потому, увидев подозрительных мужчин в машине, дал знак остановиться, попросил предъявить документы на транспортное средство и вытащил из кармана блокнот, чтобы записать номерной знак. Увидев, что полицейский собрался зафиксировать номер, Кеннеди вытащил револьвер и дважды выстрелил в голову стража закона, после чего с помощью Брауна оттащил тело с дороги и… выстрелил ещё дважды, выпустив пули глаза Гаттериджа. Убийца боялся, что его опознают по оптограмме!

При этом Кеннеди и Браун совершенно упустили из вида то обстоятельство, что в руках полицейского остались зажаты блокнот и карандаш. Между тем, именно эта деталь (а не мифическая оптограмма!) помогла следствию реконструировать картину произошедшего. Следователи поняли, что перед смертью Гаттеридж намеревался записать номерной знак автомашины, а стало быть, он явился жертвой автоугонщиков. Дальнейшие перипетии расследования оказались весьма интересны, но их детальное изложение выходит далеко за рамки нынешнего повествования. Можно лишь добавить, что в январе следующего 1928 г. преступники были схвачены и казнены в один день – 31 мая 1928 г.

Кстати, убийство констебля Гаттериджа интересно ещё и тем, что при его расследовании была назначена баллистическая экспертиза пуль, извлеченных из тела полицейского, и их сравнение с оружием, найденным при аресте подозреваемых. Экспертиза проводилась с использованием сравнительного микроскопа, позволявшего рассматривать одновременно два объекта. Это был новый для европейских криминалистов прибор (хотя к тому времени сравнительный микроскоп уже широко использовался в США). Его успешное применение в интересах ответственной экспертизы открыло дорогу для повсеместного внедрения в криминалистические лаборатории европейских государств этой ценной новинки.

Как видим, представления о «разоблачительной силе» оптограмм были не только очень живучи, но и широко распространены.

Поэтому задумка профессора Донэ разыграть Ангерштейна вовсе не выглядела заведомо провальной или бессмысленной – нет! – смысл она, безусловно, имела.

Так и решено было поступить. 4 декабря профессор явился в больничную палату, в которой под круглосуточным надзором полиции лежал раненый, представился и заявил, что исследуя глаза убитых садовника и его помощника, получил оптограмму, на которой хорошо видно, как Фриц Ангерштейн наносит удары топором. Это безусловно доказывает виновность Ангерштейна, а потому, если только тот желает сохранить себе жизнь, ему самое время задуматься над объяснением случившегося.

Раненый не проронил ни слова и остался совершенно бесстрастен, по крайней мере так казалось со стороны. Донэ решил не тратить время на убеждение, здраво рассудив, что излишняя словоохотливость может лишь усилить недоверие обвиняемого. Профессор повернулся и ушёл, оставив Ангерштейна наедине с тяжкими думами. Сам Донэ остался в твёрдой убеж-

дённости, что замысел не сработал, однако события ближайших часов привели к совершенно неожиданной развязке.

После ухода Донэ из больницы к Фрицу явился его родной брат Зигфрид. До этого момента родственников не пускали к раненому, так что Зигфрид оказался первым, кто увидел его и получил возможность с ним поговорить. Брат ничего не знал о доказанной уже виновности Фрица и пребывал в твёрдой уверенности, что Фриц – чудом выжившая жертва нападения. Можно представить его изумление, когда в ответ на вполне безобидный тривиальный вопрос «что же там у вас случилось?» Фриц неожиданно расплакался и запричитал: «Они всё знают! Они всё знают!»

Эта сцена произошла на глазах полицейского в штатском, который стоял у дверей. Присутствие такого свидетеля не остановило Фрица, который заявил огорошенному брату, что он совершил все эти убийства потому, что не мог больше жить, как прежде. Таким образом замысел профессора Донэ сработал, хотя и с небольшой задержкой. Кстати, более Фриц Ангерштейн никогда не плакал, в дальнейшем он сохранял полное самообладание и никак не выражал свои чувства.

Понятно, что признание, сделанное Фрицем брату, предопределило дальнейший ход дела. Теперь он не имел ни малейшей возможности избежать суда. Получили необходимые разъяснения и некоторые детали, связанные с причинами случившегося и последовательностью ключевых событий.

Ангерштейн признал, что совершал хищения денег из кассы предприятия, но делал это не по злому умыслу, а с целью восстановления справедливости, поскольку владелец компании умышленно перекладывал некоторые издержки на плечи подчиненных. Поэтому воровство являлось не «воровством», а всего лишь «компенсацией» вынужденных затрат. Подобная «игра в слова» не имела большого юридического смысла, но объясняла причину того острого психологического кризиса, в котором Ангерштейн оказался в конце ноября 1924 г.

К этому времени Фриц по многим косвенным признакам уже понимал, что его подозревают в хищениях, но не знал, как правильно выйти из сложившейся ситуации. Внезапное появление аудитора субботним утром и результаты проведенной им проверки повергли Ангерштейна в состояние паники. Он понял, что должен придумать какой-то остроумный ход и… не придумал ничего хитрее, как устроить имитацию пожара. В огне должна была сгореть бухгалтерия и тем самым результаты работы аудитора лишались документального подтверждения.

Задумка с пожаром, завладевшая воображением Ангерштейна, стала обрастать необходимыми деталями и Фриц быстро сообразил, что требуется имитировать попытку хищения из дома. А поскольку в здании постоянно находились люди, то хищение само собой трансформировалось в грабёж. Ну, а от вооруженного ограбления до убийства совсем недалеко… Уже к полуночи 29 ноября Фриц пришёл к пониманию того, что ему необходимо будет кого-то убить просто в силу необходимости придать достоверность картине ограбления. Рядом с Фрицем находились люди, которых он был готов уничтожить ради спасения собственного благополучия, не задумываясь – речь идёт о ненавистной тёще Катарине Барт и её фаворитке, ещё более ненавистной Минне Штолль. Однако, в воскресенье 30 ноября события приобрели неожиданный для злоумышленника характер.

Поначалу он планомерно готовился к реализации задуманного, в частности, отправился на грузовой автомашине в Хайгер и купил там две канистры с бензином, которые затем скрытно занёс в дом. Бензин он планировал использовать для быстрого поджога. Поскольку рядом с его участком находились другие домовладения, необходимо было обеспечить по возможности скорейшее распространение огня, в противном случае соседи могли успеть загасить пожар до того, как он разгорится. Уже после этого Фриц сообразил, что сам может погибнуть в огне, поэтому надумал размонтировать подводку воды к умывальнику в уборной первого этажа (что и сделал). В этом, конечно, убийца продемонстрировал полнейшую наивность – ему даже в голову

не пришло, что следователи обратят внимание на странные манипуляции с водопроводом и поймут, что это вовсе не дело рук таинственных грабителей. Настоящим грабителям попросту в голову не пришло бы тратить время на возню с водопроводными трубами…

Уже закончив развинчивать водопровод, Фриц поздним вечером перерезал телефонный провод, дабы исключить возможность находящихся в доме вызвать помощь. Затея с перерезанием провода также поражает своей наивностью и бессмысленностью. Никакой практической пользы от этого не было, поскольку никто из убитых позвонить даже не пытался, а вот предварительную подготовку к совершению преступлению такого рода действие доказывало однозначно.

Однако, дальнейшей реализации замысла Ангерштейна помешал скандал, вспыхнувший вечером в воскресенье. Плохо приготовленная кухаркой пища вызвала несварение желудка Кетэ, её стало тошнить, она принялась жаловаться матери на несносную повариху… Слово за слово и – понеслась брань. Фриц поддержал жену и был готов убить тёщу и кухарку прямо тогда же, но его сдержало то, что он не был уверен в своей способности справиться с двумя крепкими женщинами одновременно. Кроме того, по его заверениям, к вечеру 30 ноября он ещё не определился с тем, как поступить с женою. Её он, якобы, убивать тогда ещё не думал.

После скандала Фриц заперся с Кетэ в спальне и там она, если верить рассказу убийцы, стала ему жаловаться на несносную жизнь и нежеление жить. Фриц её некоторое время утешал, но в какой-то момент понял, что смерть окажется лучшим выходом для Кетэ. При этом убийство жены сразу же облегчало реализацию других частей выработанного Ангерштейном плана. Ну, в самом деле – он убивает её и убивает всех… и не надо ломать голову над тем, как объяснить полиции её спасение!

В конечном итоге, Фриц и Кетэ уснули, однако около полуночи он был разбужен новым приступом рвоты супруги. Он подал Кетэ стакан воды, сменил наволочку на подушке, некоторое время разговаривал с женою, припоминая события совместной жизни. В частности, они якобы вспомнили попытку совместного самоубийства и после этого Кетэ заявила, будто её мать рассказывала ей о наследственном сифилисе, которым страдает Фриц. Дескать, он инвалид вовсе не из-за перенесенного в детстве туберкулёза, а из-за постыдной болезни собственных родителей. Эта ложь вызвала у Ангерштейна прилив гнева, но на этот раз он решил не только убить всех, но и самого себя. Он сказал Кетэ, что не хочет жить и покончит с собою. В подтверждение своих слов вышел в кладовую и принёс оттуда револьвер, из которого имел в ту минуту намерение застрелиться. Кетэ увидела пистолет в руках мужа и… упала в обморок.

Тогда Ангерштейн в который уже раз изменил собственный план и решил убить жену, пока та находится без сознания. Он нажал на спусковой крючок, но пистолет дал осечку. Крайне раздосадованный этим, он отправился на поиски охотничьего ножа, которым решил зарезать жену. Вернувшись с ножом в спальню, он увидел пришедшую в сознание Кетэ, которая заявила ему что-то вроде: «Я твоя жена перед Господом и прошу Его простить тебя!» По смыслу, сказанное означало своего рода благословение на убийство. После произнесения этих слов Кетэ вновь лишилась чувств. Ну, а Фриц решил-таки реализовать свой замысел и стал наносить удары ножом в грудь и шею супруги. Всего таких ударов, как зафиксировали судебные медики, оказалось нанесено не менее 18, хотя убийца заявил, что не считал их.

После этого Ангерштейн якобы решил покончить с собой и отправился на первый этаж, дабы отыскать другой пистолет и застрелиться из него. Пистолет он нашёл, но тот тоже дал осечку. Тогда Ангерштейн побежал в подвал, намереваясь отрубить себе руку топором. Однако, когда он уже собрался было это сделать, услышал крик наверху – это Катарина Барт вошла в супружескую спальню и увидела зарезанную дочь. Разъяренный вмешательством тёщи, Фриц помчался наверх и зарубил её. На шум появилась ненавистная Минна Штоль – убийца ринулся на неё, но та успела добежать до лестницы и рванула наверх, надеясь, очевидно,

запереться в своей комнате в мансарде. Ангерштейн догнал женщину на лестнице и убил топором.

Рассказ, конечно, выглядел нелогичным и звучал бессвязно, но Фриц, видимо, просто не мог выдумать ничего лучше. Скорее всего, он вообще не планировал сознаваться в чём-либо, но посещение профессора Донэ вывело его из равновесия и Фриц стал признаваться брату под воздействием минутной слабости. Экспромтом, можно сказать. Как и всякий экспромт, этот прозвучал скомкано и недостоверно.

Дальнейшее повествование хоть и вносило некоторую ясность в последовательность событий, но не объясняло их. Согласно рассказу Ангерштейна, он после убийства Минны Штоль впал в состояние оцепенения, словно бы «перегорел», израсходовав все душевные силы. Фриц лёг на диван в гостиной и… уснул. По его оценке времени убийства жены, тёщи и кухарки имели место около 1 часа ночи с 30 ноября на 1 декабря, может, чуть позже, а на диване он проспал примерно до 7 часов утра. В это время явилась Элла Барт, пришедшая пешком с вокзала. Её появление застало убийцу врасплох, поскольку возвращение Эллы ожидалось 2 декабря или даже позже. Девушка не заметила следов преступления, поскольку трупы Кетэ и Катарины находились в спальне Ангерштейнов, а тело Минны Штоль лежало перед дверью на верхнем этаже, в мансарде.

Выждав несколько минут и, убедившись, что девушка отправилась принять душ, Фриц беспрепятственно проник в её комнату и внезапно напал. Ангерштейн считал Эллу невинной жертвой и раскаивался в убийстве; закончив своё дело, он накрыл труп полотенцами, выразив этим своё раскаяние и уважение невинной жертве.

Последующие убийства своих работников Фриц объяснил желанием придать месту преступления достоверность. Он опасался, что если убиты окажутся одни только члены семьи, то это может вызвать подозрения в его виновности, а вот если погибнут работники бухгалтерии и садовники, то таких подозрений не возникнет. Тут логика убийцы в очередной раз дала явный сбой, ход его рассуждений представляется, мягко выражаясь, сомнительным. Тем не менее, руководствуясь собственным понятием о целесообразности, Ангерштейн убил сначала своего секретаря Киля, а затем – Дитхардта. Последний явился позже первого, что и предопределило последовательность умерщвления. Ангерштейн выжидал примерно 5 часов, пока представится возможность убить садовника. Алекс Гейст был очень силён физически и убийца опасался, что попросту не справится с ним. Фриц никогда не обращался к Гейсту с просьбами помочь и не знал, как садовник отнесётся к предложению войти в дом. Помогло появление Руди Дарра. Тот пришёл в чистой одежде и Ангерштейн позвал его в дом, пообещав выдать рабочую куртку и сапоги. Когда Дарр вошёл в дом, Ангерштейн свалил его ударом обуха по затылку, после чего позвал Гейста, сказав тому, будто Дарр упал, ударился головой и его надо перенести на диван. Ничего не заподозривший садовник бросился на помощь и в ту самую минуту, когда он склонился над телом Руди Дарра, удар топора свалил его самого.

В принципе, уже после этого можно было устраивать поджог, но… Ангерштейн почувствовал голод, ведь он фактически не ел целый день. Он надумал отправиться в магазин и купить любимый шоколад. Тем более, что согласно заранее выработанному плану грузовую автомашину всё равно предстояло отогнать за пределы города. Тем самым, по мнению убийцы, создавалась видимость её угона. Ангерштейн решил совместить оба дела – отъехав на автомашине примерно на 3,5 км. от дома, он вернулся обратно пешком, зайдя по пути в магазин и купив там шоколада. Это стремление полакомиться до некоторой степени обескураживает – человек зверски расправился с 8 мужчинами и женщинами, их обезображенные трупы лежат в его доме, а он озабочен потребностью в шоколаде…

Утолив на пути к дому голод, Фриц приступил к финальной части своей инсценировки – поджогу и саморанению. Одну канистру с бензином он разлил на верхнем этаже. После того, как огонь занялся, он спустился вниз и проделал то же самое со второй канистрой. Убийце

приходилось действовать с максимальной быстротой, он понимал, что пламя на втором этаже скоро будет замечено. После того, как загорелся первый этаж, Ангерштейн прошёл в уборную и там нанёс себе удары ножом через одежду. После этого он открыл вентиль на подводящей магистрали и обильно смочил водой ботинки, руки и лицо. Сделал он это для того, чтобы не обгореть в том жару, что исходил от горящего бензина. Пока он был этим занят, одежда в местах ранений напиталась кровью и быстрая кровопотеря едва не привела к потере сознания. Ангерштейн признался, что почувствовал неимоверную слабость и едва добрёл до двери. Он всерьёз испугался, что не сумеет выйти из здания, но тут подоспели люди и вывели его на свежий воздух.

Убийца был убеждён, что обставил свою мистификацию наилучшим образом и никто никогда не разберётся в истинной причине случившегося. Все неопытные преступники верят в то, что их не поймают, но их всегда ловят… Ангерштейн был потрясён, когда к нему на следующие сутки после операции явился следователь и заявил, что его вина не вызывает сомнений.

Сознание Ангерштейна в массовом убийстве фактически означало конец криминальной интриги. Эта скорая и неожиданная развязка отнюдь не лишила произошедшую драму сенсационности, но теперь расследование сместилось из области детективной в чисто процедурную.

Ангерштейн был вполне ожидаемо обвинён в убийствах восьми человек. Кроме того, его обвинили в хищении средств своего работодателя, т.е. ван дер Ципена. Поскольку бухгалтерская отчётность погибла в огне, прокуратура добавила пункт обвинения в уничтожении улик. Также выдвигались обвинения в подделке документов, т.е. ведении двойной бухгалтерии, и поджоге. Поскольку Фриц поначалу рассказывал о нападении грабителей, то вполне ожидаемо появилось обвинение в лжесвидетельстве.

Средства массовой информации уделили преступлению Ангерштейна немало внимания. Для него нашлось место не только в местных газетах и новостях немецких радиостанций, но и французских, английских, американских и даже советских. Понятно, что такой изувер не вызывал к себе ни малейших симпатий и отношение к нему местных жителей было крайне враждебным. Сознавая это, а также ввиду большого общественного резонанса, министерство юстиции земли Гессен в конце июня 1925 г. изменило подсудность Ангерштейна и передало рассмотрение его дела в суд другого округа.

Процесс состоялся в городе Лимбург-ан-дер-Лан, расположенном примерно в 50 км. к югу от Хайгера. Заседания суда проходили с 6 по 13 июля в здании тамошней ратуши, сохранившейся до сих пор. Зал общих собраний заполнялся публикой полностью, свободных мест не было, присутствовали журналисты из многих стран мира, даже от американских газет. Ангерштейн, имевший достаточно времени для того, чтобы хорошенько обдумать своё положение, видоизменил свои первоначальные показания. Он более не признавал наличие умысла и заявлял о спонтанности своих действий.

BANDITS INVADE GERMAN VILLAGE

By United Press.

BRUNEN, Germany, December 2.—Bandits murdered seven persons at a lonely village near here today, burned one to death and fatally wounded the owner of the villa, a quarry director named Angerstein, when he arrived on the scene of carnage. They fled into nearby woods without the loot they had come to obtain and posses are searching for them.

The bandits, 24 in number, arrived at Angerstein's villa during his absence. He returned this afternoon and heard sounds of fighting in his home. As he entered, two men halted him, stabbed him repeatedly and left him for dead, lying before the garden gate.

The bandits then killed Mrs. Angerstein, her mother-in-law and a woman neighbor. Four servants who attempted to resist the slaughter were chopped down.

One girl servant fled to her room and locked herself in. The bandits made no attempt to break in, but set fire to the house, burning her alive and incinerating the remaining bodies almost beyond recognition.

Angerstein's five-year-old daughter is missing and may have been carried off by the bandits.

Zu dem Ueberfall in Haiger

wird ergänzend gemeldet: Direktor Angerstein ist ein in den dreißiger Jahren stehender Mann, der im Orte sehr beliebt ist. Er ist Geschäftsführer der genannten Werke und bewohnt eine Villa in der Nähe der Bahn. Schon mehrere Monate vorher sind wiederholt Angriffe auf die Familie verübt worden. Angerstein war zur Zeit der Tat auf der Post. Bei seiner Rückkehr hörte er, als er den Vorgarten betrat, einen großen Tumult. Aus dem Innern der Villa drangen Hilferufe. Unterdessen war aber die Tat bereits geschehen. Frau Angerstein, die wegen Krankheit das Bett hütete, fand man mit 18 Messerstichen verletzt vor. Eine Schwester sowie die Mutter des Direktors fand man im Badezimmer ermordet. Angerstein selbst erhielt, als er die Schwelle der Villa betrat, mehrere Messerstiche, die seine Ueberführung in das Krankenhaus erforderlich machten. Die Täter hatten mit Axten und Beilen gearbeitet. Das oberste Stockwerk war mit Benzin getränkt und angezündet worden. Die Leiche des Dienstmädchens fand man verkohlt vor. Im unteren Stockwerk, wo sich die Büroräume befanden, entdeckte man die Leiche des Büroangestellten Biehl und zweier Gehilfen. Ebenso wurde der Gärtner des Hauses und ein Arbeiter, die wahrscheinlich auf die Hilferufe herbeieilten, erschlagen aufgefunden. Der Kassen-

Der Raubmord in Haiger.

Bei dem Raubüberfall, von dem wir gestern berichteten, handelt es sich nicht um den Besitz des Direktors, sondern des Prokuristen Angerstein der Kalkgrube. Der Dachstuhl der Villa ist ausgebrannt. Eine zu Besuch weilende Nichte Angerstein, ein junges Mädchen, ist spurlos verschwunden. Im ganzen sind 7 Personen getötet worden. — Die polizeilichen Erhebungen über den Banditenüberfall sind bis jetzt ergebnislos verlaufen. Es wurden acht Verhaftungen vorgenommen, doch ist noch keineswegs ein Zusammenhang mit dem Verbrechen festgestellt. Der schwer verwundete Angerstein befindet sich auf dem Wege der Besserung. — Die Verletzungen der Ermordeten sind grauenhaft. Der Gerichtsarzt sagte, daß er ähnliches noch nicht gesehen habe.

Aus Frankfurt a. M. wird gemeldet: Die Leichen des Haigerer Mordes wurden nach dem Friedhof gebracht, wo ihnen Direktor Angerstein gegenübergestellt wurde. Angerstein leugnete, die Tat begangen zu haben, verwickelte sich jedoch in Widersprüche. Der Staatsanwalt hat gegen ihn Haftbefehl erlassen.

О массовом убийстве в Хайгере сообщили множество европейских и американских газет. На суде в Лимбург-ан-дер-Лане присутствовало большое число иностранных корреспондентов и не будет ошибкой сказать, что Ангерштейн тогда привлёк к себе внимания не меньше, чем «пивной путч» Гитлера.

В новой версии событий убийца доказывал, что причиной трагических событий явилась отвратительная стряпня кухарки и обусловленное этим плохое самочувствие его жены. Тёщу он убил, якобы, за то, что та распространяла оскорбительные слухи о его наследственном сифилисе. Любимая супруга была убита из сострадания и по её же собственной просьбе. Денег у ван дер Ципена он не воровал, а лишь возвращал себе и своей семье то, что ван дер Ципен воровал у него.

Вот примерно так выглядела линия защиты, избранная Фрицем Ангерштейном.

Надо сказать, что концы с концами у него не сходились и даже удивительно то, как он сам – неглупый, в общем-то, человек! – не понимал искусственность собственных умопостроений. Ангерштейн на голубом глазу убеждал, что умысла не имел, но экспертиза состояния водопровода доказывала, что тот был разобран с использованием специального инструмента и отнюдь не за одну минуту. Ещё более красноречиво свидетельствовал о заблаговременной подготовке преступления перерезанный телефонный провод. Обвиняемый проникновенно рассказывал, как пытался застрелиться из двух пистолетов, но они давали осечку и такое произошло аж даже три раза! Но оружейно-технические экспертизы доказали полную исправность пистолетов и патронов к ним, а стало быть и абсолютную недостоверность утверждений о трёхкратных осечках.

Немецкий журналист Зигфрид Кракауэр (Siegfried Kracauer), репортёр газеты «Франкфуртер цайтунг», присутствовавший на процессе над Ангерштейном от начала до конца, в таких словах выразил своё впечатление об увиденном: «Маленький подчиненный человек, с хорошими манерами, тихим голосом, слабым воображением. Врожденная посредственность. Если бы суп не был сожжён, жертвы остались бы живы». Насчёт «врожденной посредственности» с Кракауэром можно, пожалуй, согласиться, но валить вину за произошедшее на плохую стряпню кухарки вряд ли следует.

Зигфрид Кракауэр прожил долгую жизнь и написал множество книг, посвященных анализу самых разных явлений общественной жизни: истории кино, урбанизации, массовой культуре и т. п. И потому удивительно, что никаких воспоминаний о судебном процессе над Фрицем Ангерштейном он не оставил. Видимо, убийца его совершенно не впечатлил. Ангерштейн пытался представить себя жертвой обстоятельств и своей цели, видимо, достиг, если даже такой тонкий и наблюдательный писатель, как Кракауэр, не почувствовал скрытой подоплеки жуткого преступления.

Прежде всего, вызывает массу вопросов большое число ран, нанесенных Ангерштейном своей жене Кетэ. Если он её действительно любил так, как говорил он этом, то откуда тогда взялись 18 ударов охотничьим ножом? Подобное очевидно чрезмерное травмирование явно указывает на серьёзную личностную подоплёку. Вряд ли такая ярость явилась следствием просьбы Кетэ убить её, ведь женщина никак не могла просить убить её «жестоко» или «изуверски» (если вообще просила об убийстве).

На фоне такого жестокого умерщвления якобы «любимой» жены странным выглядит та «умеренность», которую продемонстрировал Ангерштейн во время убийства Эллы Барт. Девушка, по-видимому, даже не поняла, что стала жертвой нападения – она лишилась сознания после первого же удара топором по голове. Да, сцена убийства была, безусловно, безобразной, с большим количеством крови, но можно не сомневаться, что страдания жертвы оказались минимальны.

Трудно отделаться от ощущения, что Фриц Ангерштейн во время убийства Эллы Барт беспокоился о том, чтобы убить безболезненно, а вот в отношении жены подобные мысли его не посещали. Чем объясняется столь разительный контраст, сказать сейчас невозможно. Нельзя исключить того, что Ангерштейн испытывал к младшей сестре своей супруги совсем не платонические чувства, хотя в известных ныне материалах эти детали, увы, совершенно не рассмотрены. Между тем, подобное предположение очень хорошо объяснило бы специфику внутрисемейных коллизий. Причём Кетэ, глубоко нездоровая как физически, так и психически, никакой конкуренции младшей сестре составить не могла. А потому даже вполне невинная симпатия между Фрицем и Эллой, если таковая действительно существовала, лишала бездетный брак Фрица и Кетэ всяких перспектив.

Сам Ангерштейн на эту тему ничего не говорил, а те люди, которые могли бы что-то знать, оказались убиты. Поэтому Фриц играл в суде роль любящего мужа и пытался объяснить произошедшую трагедию несчастливым стечением обстоятельств и собственным аффектом. Подобная линия защиты, в отличие от признания умысла, сулила хотя бы призрачную надежду на сохранение жизни. В своём последнем слове обвиняемый сказал, что вину свою признаёт

и испытывает раскаяние, заявил, что готов к смерти и примет без ропота на Судьбу любой приговор, но все эти трюизмы не казались искренними.

То, как Ангерштейн защищался в суде, свидетельствует о его желании остаться в живых. Чуда, однако, не произошло и в понедельник 13 июля 1925 г. Фриц Ангерштейн был приговорён в восьми смертным казням. Его признали виновным и по остальным пунктам обвинения, но поскольку в Веймарской республике действовал принцип поглощения менее тяжкого приговора более тяжким, наказания по менее тяжким статьям обвинения назначать не требовалось. Фриц Ангерштейн отказался от попытки отклонить приговор, видимо, понимая, что придётся заявить 8 апелляций. Даже в случае успеха одной или двух из них, избежать смертной казни убийце всё равно не удалось бы. А надеяться на успех всех восьми ему не приходилось.

Смертный приговор в Германии тех лет осуществлялся в форме декапитации (т.е. отсечения головы) посредством гильотины. Почти через год со времени совершения убийства – в лучах утренней зари 17 ноября 1925 г. – Фриц Ангерштейн был казнён во дворе тюремного замка Фрайдиц в городке Диц, расположенном по соседству с Лимбург-ан-дер-Ланом.

Преступление, совершенное Фрицем Ангерштейном, является классическим примером массового убийства. Преступник продемонстрировал весь набор признаков, характерных для деяний такого рода. В течение долгого времени он жил в состоянии копившейся фрустрации, источником которой служила крайне нездоровая и конфликтная обстановка в семье. Здесь уместно задуматься над тем, почему Ангерштейн мирился с совершенно ненормальными отношениями и порядками, заведенными его женой и тёщей. Безусловно, его долготерпение являлось следствием глубоко личностных предпочтений. Другими словами, он жил так, как по его мнению, ему надлежало жить. Поскольку его брачный союз был благословлён в церкви, Фриц мог считать, что неудачный брак – это своего рода его земной крест, который ему надлежит нести пожизненно. Трудно сказать, какие именно он находил этому объяснения, но не подлежит сомнению, что долгие годы будущий убийца стоически тянул лямку, пребывая в уверенности, будто живёт по-христиански. Наверное, он верил в силу своего характера, закаленного тяжёлыми испытаниями детства, считал, что если не умер в детстве от смертельной болезни, то значит, у Бога имеется для него особый план. Вера в своё особое мистическое предназначение могла укреплять Ангершейтна долгие годы, он умел сдерживать растущую фрустрацию, не подавая вида как тяжело страдает.

Людей внутренне сильных, но сдержанных в проявлении эмоций, окружающие часто считают слабыми, никчёмными и неспособными на яркий поступок. Но английский поэт Джон Драйден не зря написал в одном из стихотворений: «бойтесь ярости настойчивого человека!» Когда терпение Ангерштейна лопнуло, точно натянутая струна, и подавляемая долгие годы ярость подчинила его себе, случилось страшное…

Спусковым крючком, запустившим цепочку фатальных событий, явился, безусловно, внезапный аудит. Точнее, его результаты, убедительно доказавшие ведение Ангерштейном двойной бухгалтерии и многочисленные финансовые злоупотребления. Фриц понял, что мир, в котором он жил, рушится и притом рушится безвозвратно. Впереди его ждёт с большой вероятностью тюрьма… И вот тут ярость вырвалась наружу – это была ненависть к жене, тёще, кухарке… всем тем людям, которым Ангерштейн принёс в жертву свою жизнь. Теперь ему предстояло опозориться на весь белый свет и отправиться за решётку, а виновницам его падения… ничего не грозило!

Дальнейшее нам уже известно. Кинжал, топор, канистра с бензином…

Невыдуманная история влюбленного доктора

Военный фтизиатр Чарльз Энджелл Шеппард (Charles Angell Shepard), майор армии США, всю свою взрослую жизнь любил женщин и никто не смог бы порицать его за это в высшей степени похвальное увлечение. В сентябре 1916 г. стоявший на пороге своего 45-летия Чарльз женился на Зинане Коллинз (Collins), женщине, которая не только была на 20 лет младше своего нового мужа, но и на момент своего знакомства с ним уже находилась в браке с Файеттом Коллинзом. Фактически энергичный врач разрушил семью, уведя молодую женщину от первого супруга. Наверное была в Шепарде некая изюминка, коли он показался Зинане более привлекательным, чем её молодой муж [Файетт Коллинз был младше Чарльза почти на 17 лет]. В девичестве Зинана носила фамилию МакКоски (Zenana McCoskey), она принадлежала к многочисленной семье силезских эмигрантов, обосновавшихся в Калифорнии. Ко времени свадьбы продавщице цветов из Лос-Анджелеса шёл 25-й год, и этот брак, казалось, мог осчастливить обе стороны.

Всё в жизни семьи выглядело вроде бы очень неплохо. Шеппард, специализировавшийся на лечении туберкулёза, был востребованным специалистом, получал весьма достойную заработную плату и не рисковал собою на фронтах Первой Мировой войны. На протяжении последующих 12 лет чета попутешествовала по гарнизонам континентальной части США и жизнь супругов выглядела почти идеальной.

В 1928 г. супруги проживали в военном городке в Форт-Райли (Fort Riley), в штате Канзас, на территории одноименной воинской базы. В том году Чарльз надумал изменить свою медицинскую специализацию, поскольку потребности армии во врачах-фтизиатрах сокращались, а вот хирурги были весьма востребованы. Кроме того, поездка на курсы повышения квалификации позволяли отвлечься от изрядно надоевшей рутины и сменить обстановку. В общем, Чарльз Шепард осенью того года укатил на военную базу «Брукс-филд» (Brooks Field), расположенную неподалёку от города Сан-Антонио в штате Техас, где прослушал надлежащий курс, после чего вернулся в Форт-Райли уже хирургом.

И всё у них было хорошо ровно до 20 мая 1929 года, когда Чарльз надумал устроить романтический ужин. В тот день Зинана приехала из Джанкшен-сити, городка, расположенного вне периметра базы в 7 км. южнее Форт-Райли. В тот день она хорошо себя чувствовала и находилась в прекрасном расположении духа. Чарльз подал к мясу имбирный эль и крафтовое пиво, которое в минуты досуга гнал один из знакомых ему офицеров. Если принять во внимание, что речь идёт о поре «сухого закона», то угощение стоит признать почти царским. В общем, майор расстарался, но как это часто бывает с романтическими начинаниями, в какой-то момент ситуация стала развиваться по неожиданному сценарию. С Зинаной произошло нечто такое, что впоследствии Чарльз называл «нервным срывом».

Женщина почувствовала себя плохо. Когда вечером по домашнему телефону позвонил друг семьи, Чарльз сказал тому, что Зинана отравилась «дрянным алкоголем».

Зинана Шепард (слева) и Чарльз Шепард (справа).

Однако через пару часов майор позвонил знакомому психиатру и пригласил того «посмотреть Зинану». Приехавший психиатр нашёл женщину в полубредовом состоянии с расширенными зрачками, страдающей от мучительной рвоты, так что ни о какой беседе с нею в ту минуту не могло быть и речи. Психиатр сообщил Чарльзу, что тут нужна хорошая сиделка и сам же вызвал свою знакомую медсестру Клару Браун.

Уже после прибытия медсестры майор дал супруге некие таблетки. На вопрос Клары Браун (Clara Brown), что это за лекарства, Чарльз Шепард ответил, что дал жене бром-зельцер и фенобарбитал (снотворное). После беспокойной ночи состояние больной ухудшилось, стали обильно кровоточить дёсны, появился выраженный гнилостный запах изо рта.

Любящий супруг пригласил к страдающей жене стоматолога – майора Уилльяма Роуза, такого же военного врача, каковым и сам являлся. Тот осмотрел воспаленную полость рта и прописал каломель – хлорид ртути, довольно опасный препарат, ныне исключенный из медицинской практики.

На следующий день – 22 мая – больная обратилась к медсестре с довольно неожиданными словами. Она показала Кларе Браун, где находится бутылка с недопитым имбирным элем, и спросила у медсестры, как по её мнению, оставшегося количества жидкости хватит для проверки на наличие яда? И видя недоумение в глазах медсестры, уточнила, что как ей кажется, муж её отравил, подмешав в эль какой-то яд. По мнению Зинаны эль, который она пила, имел странный запах и вкус, а стало быть, его отравили!

В последующие дни состояние Зинаны оставалось тяжёлым, но постепенно улучшалось. Её ежедневно навещали различные врачи и в целом у всех специалистов, кто видел женщину в те дни, не возникало никаких сомнений в том, что она в конечном итоге поправится.

Однако произошло неожиданное для всех – 15 июня Зинана скончалась.

Безутешный супруг, в смысле, вдовец, просил не вскрывать тело, ибо все хорошо знали, что Зинана долго болела и ей бы не понравилась мысль о посмертном вскрытии. Однако начальник медчасти хотел всё сделать юридически безукоризненно и колебался… Может быть, он что-то знал или подозревал, а возможно, просто был перестраховщиком, каковых в каждой армии немало. Когда в Форт-Рэйли приехал родной брат умершей – Теодор Мак-Коски (Theodore McCoskey) – безутешный вдовец направил свои стопы к нему и попросил его подключиться к уговариванию начальника. Однако эта просьба понимания брата умершей не встретила и тот, напротив, посчитал, что аутопсию провести следует. Тоже был, наверное, перестраховщиком.

В общем, в военном госпитале провели вскрытие тела и судебно-химическую экспертизу внутренних органов, по результатам которой стало ясно, что причиной смерти 37-летней жен-

щины стало хроническое отравление ртутью. В принципе, причина смерти нехорошая, чреватая неприятными вопросами и расследованием, но конкретно в данном случае майору крупно свезло. Стоматолог майор Роуз рассказал, что прописал Зинане каломель в качестве средства от кровоточивости дёсен.

Каломель – это медицинское и историческое название хлорида ртути, препарата широкого спектра действия, повсеместно использовавшегося в 18—19 столетиях. Фактически это галоидный минерал, встречающийся в природе вместе с самой ртутью, либо её соединениями (киноварью, кальцитом и др.). Это лекарство считалось и бактерицидным, и слабительным, и противовоспалительным, и лечили им почти всё от запора до гонорреи и несворачиваемости крови. Однако поскольку каломель сравнительно легко распадалась, выделяя чистую ртуть, лекарство это было так себе, из разряда тех, которыми лучше не лечиться. Считается, что посредством каломели были убиты Наполеон Бонапарт и Джордж Вашингтон.

Забавно то, что каломель, исчезнув из списка лекарственных препаратов, нашла широкое применение как один из компонентов фунгицидов (средств борьбы с грибковыми заболеваниями растений) и инсектицидов (средств борьбы с насекомыми). И вот такую дрянь – представьте только! – люди на протяжении столетий совали в собственные рты! Как говорится, от такого кони дохнут, в смысле, тараканы и клопы, а люди этим пытались поправлять здоровье..

Каломель – это такое лекарство, которым лучше никогда не лечиться. И даже не всякому врагу такое предлагать можно! Если посчитать по головам тех, кому сей препарат помог, и тех, чьё здоровье погубил, то не факт, что первых окажется больше.

Медсестра Клара Браун никому не передавала содержание странного разговора с умершей, посчитав недопустимым компрометировать опытного военного врача и уважаемого джентльмена. И то сказать, господину майору скоро уже надо было выходить на пенсию, так чего ради жизнь ему портить на старости лет, верно? В общем, медсестра молчала, а поскольку майор Роуз прописал больной каломель и даже лично оставил баночку, то и вопросы отпали сами собой.

Почтенному майору, фтизиатру и хирургу выдали тело Зинаны и Шепард его быстро кремировал. После чего взял отпуск для поездки в Калифорнию, где проживали родственники умершей женщины, дабы вручить им прах любимой супруги.

Трогательная забота майора никого не могла оставить равнодушным. Всё-таки, согласитесь, высокие отношения любящих людей всегда вызвают искреннее почтение. Майор укатил в отпуск, а после возвращения попросил предоставить ему ещё один отпуск – теперь

уже для урегулирования некоторых имущественных вопросов в штате Колорадо, где супруги Шепард несколькими годами ранее приобрели дом. Супруги рассчитывали поселиться там после выхода Чарльза на пенсию, но теперь мужчина понял, что не сможет жить в этом доме один. Начальники майора, услыхав такую тяжёлую и даже трагическую правду, смахнули с глаз горькие слёзы и без колебаний подписали Чарльзу Шепарду необходимые бумаги.

Майор уехал, утряс все свои дела и по возвращении вышел на службу. Но поработав менее 2-х месяцев попросил руководство о новом маленьком отпуске, который опять был ему предоставлен без проволочек.

Вернувшись из него, майор Шепард отработал месяц и снова явился к начальству с личной просьбой. Он посетовал на то, что ему очень больно находиться в том самом доме, где скончалась его любимая Зинана, а потому он очень хотел бы переехать… Нет, не в другой дом, а в другую воинскую часть. Если говорить совсем точно, то в «Брук-филд», где он стажировался в прошлом году. Там Техас, там хорошо – тепло, кактусы… и вообще!

Тут начальство майора немного возмутилось, поскольку кому-то ведь надо нести службу! Да и специалистом Чарльз Шепард был очень даже неплохим, а хороших работников толковый руководитель старается не отпускать. В общем, возник определенный конфликт интересов, не то, чтобы совсем уж безвыходный, но неприятный.

И кому-то из офицеров «Форт-Райли» пришло в голову позвонить знакомому офицеру, служившему в «Брук-филд», и поделиться последними сплетнями. Как известно, у мужчин сплетни важно именуются «деловыми разговорами» и вот в ходе такого делового разговора офицер рассказал товарищу о том, что майор Чарльз Шепард мечтает перевестись к вам, в Техас, а начальство его не отпускает. И собеседник на это простодушно ответил, дескать, а в чём проблема-то, у Шепарда же здесь молодая жена служит, как можно его не отпустить? Слово за слово – и получился прелюбопытный разговор. Один из собеседников рассказал другому о том, что жена Шепарда совсем недавно умерла от хронического отравления ртутью, а в ответ услышал душещипательную историю о новой молодой жене, с которой майор расписался вот только-только, надысь, как говорится.

Майор Чарльз Шепард был не лишён определенного шарма и нравился женщинам определенного сорта.

В общем, сплетня полетела впереди майора, как поросячий визг впереди поросёнка. Руководство базы «Форт-Райли» обратилось к Службе Криминальных Расследований (Criminal Investigation Division – сокр. CID) Армии США с просьбой прояснить историю и дать оценку поведению майора Шепарда.

Выяснилось следующее. Забрав урну с прахом любимой жены, так безвременно его оставившей на жизненном пути, майор действительно прокатился в Лос-Анджелес, передал тару братьям Зинаны и… отчалил в туманные веси, не дожидаясь похорон. Он очень торопился, подобно ходоку к Ленину из старого советского анекдота. Как удалось выяснить детективам CID, майор из Калифорнии живо метнулся в Техас, в город Сан-Антонио, где его поджидала некая Грейс Брендон (Grace Brandon), стенограф-телеграфист узла связи на базе «Брук-филд». Той самой, на которой майор-фтизиатр стажировался на хирурга во второй половине предшествующего года. В обществе специалиста телеграфной науки майор провёл чуть менее 4-х суток, выходя из гостиничного номера по вечерам только для того, чтобы покружиться на танцполе вместе с этим самым специалистом. Учитывая, что с момента смерти любимой жены минуло менее 2-х недель, такое перевоплощение выглядело несколько неожиданным.

Отдохнув душой и телом с Грейс Брэндон, Чарльз Шепард вернулся в «Форт-Рэйли», где тут же попросил отпуск в Колорадо. В этой поездке его сопровождала любимый специалист по передаче телеграфных сообщений, взявшая внеочередной отпуск по месту службы. Шепард так успешно устроил свои дела в Колорадо, что на радостях «тайно» бракосочетался с Грейс. Торжественный обряд прошёл 30 июня… это был 15-й день со времени смерти Зинаны!

Грейс Брендон была то ли дурочкой, то ли просто наивной – постороннему человеку сложно судить о том, есть ли объективная разница между этими понятиями. Но в любом случае дамочка, возвратившись на военную базу, рассказала друзьям и подругам о тайной церемонии. Надо понимать, что для этой женщины тайное – это то, о чём рассказывают «по секрету», а всё остальное можно рассказывать просто так. Сослуживцы Грейс узнали, что ещё в 1928 году она закрутила роман с женатым офицером и вот теперь он овдовел и у них будет семья. Специалист по приёму и отправке телеграфных сообщений даже не задумывалась над тем, как её поведение может выглядеть со стороны.

Урна с прахом Зинаны Шепард (МакКоски) была помещена в ячейку колумбария, но безутешный вдовец так скорбел и так торопился, что не стал терять время на личное присутствие на этой скорбной церемонии. И то сказать, он ведь знал, что у любимой жены были любимые братья – уж они-то позаботятся и всё сделают наилучшим образом!

Как несложно догадаться, дамочка сия не блистала красотой и даже в мужском коллективе не вызывала к себе особенного интереса сослуживцев. По этой банальной причине ей осо-

бенно важно было «устроить» собственную жизнь, дабы она выглядела не хуже подруг, но… надо же знать пределы приличий! В конце августа майор Шепард приехал к ней и 30 августа они сочетались браком теперь уже официально [по законам Техаса]. Интересно то, что Шепард не сообщил отделу кадров в «Форт-Рэйли» об изменении семейного положения, стало быть, он понимал, как окружающие расценят произошедшее. Ну а Грейс Брендон не утруждала себя такими размышлениями и тайны из произошедшего не делала.

Оператор телеграфной установки порхала на крыльях счастья, но всё моментально изменилось после того, как её навестили детективы CID. У дамочки в голове что-то щёлкнуло и она вдруг задумалась над тем, что её могут связать со смертью Зинаны! Думать, конечно же, полезно даже некрасивым женщинам и Грейс после непродолжительных раздумий решила сотрудничать с расследованием.

Она рассказала о том, как познакомилась с майором Шепардом в офицерском клубе. Чарльз, скучавший по женскому обществу во время обучения на курсах повышения квалификации офицеров медицинской службы, моментально ею увлёкся. Роман оказался на удивление бурным. Шепард, возвращаясь в Канзас, подарил Грейс канарейку! Автор знает человека, подарившего любимой игуану, но канарейка тоже выглядит необычно. Оригинальнее в качестве подарка, пожалуй, выглядел бы только тарантул. Сделал майор и другой подарок, более рациональный. Он застраховал собственную жизнь на 30 тыс.$ [эта сумма эквивалента приблизительно 1,2—3 млн. современных долларов в зависимости от того, по каким товарным позициям пересчитывать] и назначил получателем денег при наступлении страхового случая Грейс. Последняя была чрезвычайно впечатлена этим поступком любовника.

Детективы CID тоже немало впечатлились. Оформление страховки свидетельствовало о далеко идущих планах майора Шепарда, явно связывавшего свою будущность с телеграфисткой из Техаса. И это при живой тогда ещё жене!

Грейс Брэндон

Помимо того, что CID успешно «раскрутила» историю с адюльтером Шепарда на военной базе «Брук-филд» и последующим бракосочетанием с любовницей, военные детективы выяснили детали того, как умирала Зинана. В частности, они узнали о странном разговоре медсестры с умершей женщиной, состоявшемся 22 мая. Разумеется, подозрительную бутылку с остатками эля отыскать уже было невозможно, но сам по себе факт её существования, как, впрочем, и подозрений Зинаны в адрес мужа, представлялся весьма важным.

После того, как детективы CID провели свою оперативную работу, к делу подключилась федеральная прокуратура, ибо подозреваемый был военнослужащим и расследования в отношении лиц этой категории относились к компетенции Департамента юстиции федерального

правительства. Обвинительное заключение готовил специальный прокурор Сардиус Брюстер (Sardius M.Brewster), он же подписал запрос на арестный ордер подозреваемому.

Майор был взят под стражу и помещён в федеральную тюрьму в городе Денвер, штат Колорадо. Грейс Брендон согласилась свидетельствовать против своего нового мужа. Согласие это явилось, быть может, и не вполне добровольным, возможно, прокурору пришлось на неё надавить, но то, что счастливая жена не посчитала нужным «впрягаться» за мужа и фактически бросила его в жернова Правосудия, заслуживает быть отмеченным.

История майора-медика, притравившего 37-летнюю жену ради женитьбы на 24-летней, стала широко известна. Процесс не обещал быть сенсационным, поскольку дело представлялось, в общем-то, довольно ясным, но определенный интерес с житейской точки зрения, безусловно, представлял.

Thursday, April 3, 1930

Army Doctor Held As Wife Slayer

Major Charles A. Shepard, left, 59-year-old army surgeon, jailed at Denver, faces charges at Topeka, Kan., of fatally poisoning his wife last June. A statement attributed to Grace Brandon, right, stenographer at Brooks Field, San Antonio, Tex., that Major Shepard proposed marriage to her prior to his wife's death is said to have been one of the reasons for the investigation.

Весной 1930 г. история майора, отравившего жену, и его любовницы просочилась в прессу. Интерес общественности оказался ожидаемым и оправданным, поскольку отравленная бедняжка производила впечатление намного более приятное, нежели её соперница, мягко говоря, малосимпатичная.

Майор, разумеется, вины своей не признавал, чему вряд ли следует удивляться. Это был мотивированный мужчина, намеревавшийся ещё выйти на свободу, где его ждала молодая жена. Помните легендарные слова из легендарного фильма «Белое солнце пустыни»: молодая жена – что нужно мужчине ещё, чтобы встретить старость? Чарльз Шепард явно намеревался встречать старость в обществе мастерицы телеграфных дел, а стало быть, ему было за что бороться!

Шепард нанял 2-х адвокатов – Гарри Класса (Harry S. Class) и пожалуй лучшего канзасского юриста той поры Чарльза Кейджи (Charles L. Kagey). Последний занимался не только юридической практикой, возглавляя созданную ещё в 1904 году фирму имени самого себя, но и вёл напряженную политическую работу в качестве крупного функционера Республиканской партии. В 1921 г. он был назначен президентом США посланником в Финляндии и оставался в этой должности вплоть до 1925 г. В общем, Кейджи оказался лучшим выбором из всех возможных в положении Шепарда.

Адвокат Чес (Чарльз) Кейджи.

Суд над майором открылся 1 декабря 1930 г. в Канзас-сити. Сторону обвинение представляли специальный прокурор Сардиус Брюстер и помощник прокурора Дэн Коуи (Dan B.Cowie), защищали майора упоминавшиеся выше Гарри Класс и Чес Кейджи. Обвинение выглядело весьма весомо, его линию поддерживала медсестра Клара Браун, вторая жена обвиняемого Грейс Брендон, родные братья отравленной женщины – Куртис и Теодор МакКоски.

Обвинительный материал казался убедительным и красноречивым, хотя нельзя не признавать того, что обвинение оперировало в основном косвенными уликами и доводами, которые могли быть объяснены без криминальной мотивации или подоплеки. То, что вдовец не скорбел по умершей жене и спешил утешиться в объятиях другой женщины, не доказывало его виновности. Как и то, что он желал скрыть своё увлечение от сослуживцев.

Основная борьба в суде – как это не покажется странным – развернулась вокруг показаний медсестры Клары Браун. Тут надо пояснить, что само по себе её повествование о событиях 22 мая [когда Зинана рассказала о подозрениях в собственном отравлении] в обычном суде не могло бы быть принято. По причине очень простой – у разговора не было свидетелей, а без свидетелей содержание беседы можно исказить как душе угодно или даже выдумать от начала до конца, не так ли? Для пересказов подобных бесед, недопустимых в суде, даже существует специальное название – «заявление с чужих слов». Но в американском законодательстве существует исключение, при котором подобные заявления принимаются судом в качестве доказательства – речь идёт о случае, когда свидетель пересказывает слова умирающего человека. Считается, что умирающий спешит сообщить некую важную информацию и притом, находясь перед лицом смерти, будет искренен. Норма эта, надо сказать, выглядит весьма странной и автор должен признаться, что не понимает, на каком таком здравом суждении или наблюдении она основана.

Ну да ладно, речь сейчас не о воззрениях отдельно взятого писателя букв руками по фамилии Ракитин, а том, что происходило в суде.

ARMY OFFICER FACING COURT IN WIFE'S DEATH

Maj. Charles Shepard on Trial Tomorrow in Kansas City, Accused of Poisoning Spouse.

By the Associated Press.

KANSAS CITY, Kans., December 1.—Maj. Charles Shepard, Army Medical Corps officer, charged with the murder of his second wife, Mrs. Zenna Shepard, goes to trial here tomorrow in Federal District Court.

Both the Government and the defense have assembled their witnesses here for the trial of the 59-year-old defendant, who was charged in an indictment with poisoning Mrs. Shepard in June, 1929, while the major was

Слева: газетная заметка от 1 декабря 1930 г. о начале суда над майором Шепардом по обвинению его в убийстве жены посредством отравления. Справа: свидетели обвинения – братья МакКоски Куртис (слева) и Теодор (справа), между ними стоит жена Теодора.

Адвокат Кейджи пытался помешать допросу медсестры о событиях 22 мая, но суд разрешил обвинению задать свидетелю вопросы, которое прокурор сочтёт нужным. Клара Браун была допрошена, а **затем прокурор Брюстер попросил… не принимать к сведению её рассказ в той части, в которой сообщалось о подозрениях Зинаны Шепард а адрес мужа**. При этом сам допрос в стенограмму попал и из неё удалён не был. Своё странное пожелание не принимать во внимание часть свидетельских показаний уже после их произнесения прокурор объяснил тем, что не хотел бы, чтобы слова Зинаны об отравлении были приняты как «заявление умирающего». Ведь таковым они не являлись, да и не могли быть, поскольку Зинана прожила после этого разговора более 3-х недель!

Адвокат возмутился подобным уловкам обвинения – ведь суд изначально не должен был позволять прозвучать этим показаниям! – и потребовал распустить суд и назначить новый процесс.

Этого, разумеется, не случилось и 22 декабря 1930 г. майор Чарльз Шеппард был признан виновным в умышленном убийстве своей жены Зинаны Шепаард и приговорён к пожизненному заключению в тюрьме.

Высокооплачиваемые адвокаты разорили Шепарда. Изгнанный из армии офицер остался без жалованья, без распроданного на торгах имущества и даже зарплату за будущий год он заложил в банке для получения кредита! Чарльз официально обратился в суд за тем, чтобы судебные власти обязали федеральное правительство оплатить работу его адвокатов по подаче апелляции. Суд удовлетворил это требование.

8 октября 1931 г. Чес Кейджи подал апелляцию в суд 10-го апелляционного округа. В этом документе основной упор делался на неправомерное допущение показаний медсестры в той их части, где шла речь о разговоре 22 мая. То, что сторона обвинения после окончания допроса свидетеля попросила «не принимать во внимание» их часть, не отменяло их неверного восприятия слушателями.

GRANTED U. S. HELP IN SLAYING APPEAL

Maj. Shepard, Army Doctor, Convicted of Poisoning Wife, Wins Plea.

By the Associated Press.

DENVER, Colo., October 8.—Maj. Charles A. Shepard, Army surgeon, convicted of the poison murder of his wife, yesterday pleaded he was a pauper, and Federal Circuit judges granted his request that the Government pay expenses of his appeal from the decision.

Claims Funds Exhausted.

The 60-year-old officer was convicted December 22, 1930, of fatally poisoning

Газеты сообщили о подаче 8 октября 1931 г. апелляции на приговор суда, вынесенный в самом конце предыдущего года.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается в том числе и в Америке начала 1930-х гг. Апелляция рассматривалась более 2-х лет, но в ноябре 1933 г. приговор суда низшей инстанции был отменён и бывший майор-хирург-фтизиатр получил возможность выйти на свободу. Вышел он, разумеется, не с гордо поднятой головой, но в его положении и достигнутый результат был весьма неплох!

Чарльз стал работать санитаром в обычной больнице. В армии он уже не мог восстановиться просто в силу уже достигнутого предельного возраста, а к врачебной практике никто не стал бы допускать врача, заподозренного в отравлении, так что уделом Чарльза, увы, сделалось ношение уток из-под лежачих больных. Всё в жизни бывшего майора выглядело в высшей степени нехорошо. На нём висели огромные долги, которые он вряд ли когда-либо смог бы погасить, жена Грейс Брэндон вполне ожидаемо отказалась продолжать с ним совместную жизнь и потому Чарльза впереди ожидало мало его хорошего – только старость, болезни и смерть.

Но произошло то, что иногда случается в Америке. На человека, обоснованно заподозренного в тяжком преступлении, неожиданно обратила внимание состоятельная женщина. Элис Уилмер Уотт (Alice Wilmer Watt), вдова крупнейшего владельца недвижимости в Денвере, узнав из газет историю врача, ставшего санитаром, до такой степени прониклась к нему сочувствием, что решила познакомиться со столь достойным человеком.

Такое случается, более того, сей феномен хорошо знаком, известны множество примеров того, как разумные вроде бы женщины пытались строить отношения с лицами, находящимися в заключении, либо едва вышедшими на свободу. Результат подобного альтруизма хорошо предсказуем и как правило удовольствия самим женщинам не приносит. Подобное поведение женщин не перестаёт удивлять своей иррациональностью, вот честное слово, неужели женское одиночество до такой степени непереносимо?

Впрочем, не станем множить риторические вопросы и вернёмся к Элис Уотт. Женщина до такой степени прониклась добрыми чувствами к бывшему майору-фтизиатру и хирургу, что согласилась выплатить все его долги. На это условно благое начинание она потратила в общей сложности 25 тыс.$ – огромную по тем временам сумму!

И всё, вроде бы, сулило парочке будущность, полную гармонии, как выяснилось, что американский Закон не считает вопрос причины смерти Зинаны Шепард исчерпанным. Новое

расследование повёл специальный прокурор Александер (S. S. Alexander), распорядившийся опять заключить Чарльза Шепарда под стражу.

Элис Уилмер Уотт, состоятельная вдова из Денвера, стала спасительным ангелом, протянувшим Чарльзу Шепарду руку помощи в безвыходной ситуации.

Тот пробыл на свободе 5 месяцев и в начале 1934 года вновь отправился в тюрьму.

Второй процесс готовился без спешки. Суд начался только в январе 1935 г. Со стороны обвинения доказательная база осталась примерно той же, что и во время первого суда, с тем лишь исключением, что показания медсестры были немного подкорректированы и она не пересказывала свой разговор с Зинаной, имевший место 22 мая.

А вот защита сделала акцент на тех деталях, которые прежде не упоминались. В частности, ряд свидетелей сообщил о якобы присущих Зинане суицидальных намерениях, которые выражались в том, что она интересовалась тем, что происходит с человеческой душой после смерти. Сами по себе размышления человека о загробной жизни отнюдь не означают желание умереть, можно сказать, что посмертное бытие духа – это один из важнейших вопросов религиозной философии, поэтому из подобных разговоров Зинаны вряд ли следовало её желание покончить с собою, но… суд принял во внимание аргументацию защиты.

Другим серьёзным доводом в поддержку тезиса об эмоциональной нестабильности умершей, стали показания самого Чарльза Шепарда, не пожалевшего чёрной краски для характеристики жены. По его словам, Зинана была алкоголичкой, склонной к депрессиям и истерикам, и она якобы не раз высказывала вслух мысли о своей усталости от жизни, нежелании жить и т. п. Примечательно, что эти россказни опровергались другими лицами, знавшими Зинану, и по этой причине Теодор МакКоски, брат умершей женщины, обоснованно обвинил подсудимого в клевете, пачкающей память светлого человека.

То, что Зинана не думала о самоубийстве и не пыталась покончить с собой, используя каломель, можно было понять хотя бы по тому, что она не использовала весь препарат имевшийся в её распоряжении. Несколько свидетелей подтвердили незначительный расход Зинаной каломели за 3 недели лечения этим препаратом. Кроме того, врачи, навещавшие женщину, сообщили суду о том, что помимо каломели в прикроватной тумбочке больной находились и иные смертоносные препараты, причём такие, которые позволили бы женщине умереть намного быстрее и без мучений [например, барбитураты]. Однако никаких суицидальных намерений Зинана не демонстрировала и ни разу не допустила подозрительной передозировки лекарств.

Процесс получился довольно напряженным и эмоциональным. Чарльз Шепард, не отказавшийся от дачи показаний, выдержал сложный перекрёстный допрос и не допустил опасных для себя оговорок, ошибок или эмоциональных реакций. Конечно, ему очень помогал его профессиональный багаж медицинских знаний. Шепард прекрасно понимал, что прямых улик, доказывающих именно его вину в хроническом отравлении жены, не существует, а повторных экспертиз он мог не бояться, поскольку тело Зинаны было кремировано. Кстати, даже если бы кремация и не была осуществлена, то объективных оснований для страхов бывшего доктора всё равно не существовало. Технологии, способной установить время попадания ртути в тело человека при хроническом отравлении тогда просто не существовало. Напомним, что подобная технология появилась примерно через 3 десятилетия и она предусматривала использование мощного нейтронного излучения. Её разработали в середине 1960-х гг. французские криминалисты, изучавшие версию отравления Наполеона каломелью [для этого волосы бывшего императора Франции, нарезанные кусочками по 1,3 см., помещались в исследовательский атомный реактор]. В США в 1935 г. ни один судебный медик в принципе не смог бы предложить методику определения давности отравления ртутью.

11 февраля 1935 г. суд оправдал Чарльза Шепарда и постановил восстановить его в звании майора и разрешить медицинскую практику.

The Brownsville Herald

THE WEATHER

HERALD FACTS

MAJOR ACQUITTED OF WIFE POISONING

Reilly Denounces Condon and Attacks Servants

EVERYONE BUT BRUNO BLAMED BY ATTORNEY

Blossoms Out on Catalina

FISH TOURNEY FOR TOURISTS PLANS MADE

ACTRESS MORAN WEDS FLIER AT SURPRISE RITES

SETH PARKER RESCUE CALLS SENT AS GAG?

Stops Loaning Her Voice

JUST VERDICT, SAYS SHEPARD AS IS FREED

SHEPARD FREED IN WIFE SLAYING

Retired Army Officer Acquitted on Charge of Poisoning Her to Wed Stenographer.

Новость об оправдании Чарльза Шепарда нашла своё место на страницах американской прессы, некоторые газеты вынесли её в заголовки 1-й страницы. Новость того стоила, особенно, если принять во внимание то, как это дело начиналось!

После этого майор-фтизиатр и хирург прожил ещё довольно долго – он умер 16 сентября 1958 года, не дожив буквально месяц до 87-летия. Жизнь, как видим, получилась насыщенная впечатлениями.

Об Элис Уотт известно немногим более. Она умерла в 1972 году, надолго пережив очередного мужа. На момент смерти она носила фамилию Томпсон (Thompsom). То, что она под конец жизни взяла свою девичью фамилию, косвенно указывает на развод с Чарльзом Шепардом, но когда и по какой причине они расстались, сейчас неизвестно. Может быть с течением времени какие-то детали жизни этой парочки привлекут внимание американских криминальных историков и что-то любопытное о событиях, последовавших после 1935 года, мы ещё узнаем.

История отравления Зинаны Шепард представляется весьма любопытной. О многих деталях случившегося в «Форт-Райли» нам остаётся лишь догадываться. Но не подлежит сомнению, что страсти поименованных персонажей кипели нешуточные. То, что отравление Зинаны не было случайным и майор так или иначе приложил руку к произошедшему, кажется довольно очевидным даже по весьма беглому изложению канвы событий в этом очерке. Как ни крути, а если женатый мужчина оформляет страховой полис на имя любовницы, то… это кое-что значит, правда? Здравый смысл и житейский опыт указывают на явную неслучайность смерти Зинаны, последовавшей вскоре после этого аттракциона невиданной щедрости и великодушия.

Но при этом следует понимать, что здравый смысли и житейский опыт – это понятия из области интуитивного, плохо соотносящегося с юридической практикой.

Чарльз Шепард.

С точки зрения формализованных понятий уголовного права майора-фтизиатра-хирурга, конечно же, осудить было никак нельзя. Связать попадание ртути в организм отравленной женщины с действиями её мужа – тем более, действиями умышленными – тогдашний суд не имел права просто потому, что судебная медицина не могла предоставить обвинению необходимую доказательную базу. А здравый смысл и внутренняя убежденность, согласитесь, доказательствами не являются.

Вместе с тем, случайность смерти Зинаны кажется чем-то совершенно недостоверным хотя бы потому, что трагедия эта произошла именно тогда, когда смерть жены стала нужна её мужу. С появлением новой молодой любовницы жена стала ненужным обременением и прожила совсем недолго – менее полугода. Разумеется, **этот довод ничего не доказывает, он просто убеждает.**

Любвеобильный доктор в конце концов нашёл женщину своей мечты, причём такую, которая по крайней мере в материальном отношении превосходила как его прежних любовниц, так и его самого. Хотя есть большие сомнения в том, что эта связь сделала майора счастливым. Всё-таки, Шепард любил молодых и 43-летняя Элис Уилмер Уотт вряд ли могла действительно прельстить майора. Но в его положении от денег отказываться было уже нельзя, поскольку в жизни доктора впереди маячила лишь унылая нищета. Так что под юбку богатой вдовы он скользнул вынужденно – согласитесь, какое унижение для молодцеватого мачо, всю жизнь упивавшегося собственными победами над слабым полом!

Но формально смерть Зинаны Шепард осталась неотмщенной. Женщина была отравлена смертельным ядом, умирала долго и в больших страданиях, а человек, устроивший ей такое, прожил ещё долгую-долгую жизнь. К сожалению, такое случается и даже чаще, чем хотелось бы. На авторском сайте "Загадочные преступления прошлого" можно отыскать не один, не два и даже не три примера такого рода. Жизнь не всегда справедлива, во всяком случае с обывательской точки зрения.

Что ж, мы всего лишь люди. А весы, взвешивающие меру всего содеянного, не всегда находятся в руках людей.

Глупость не порок…

Всё-таки не зря говорится, что услужливый дурак опаснее врага. И точно также неспроста кем-то подмечено, что если хочешь сделать что-то хорошо, то сделай задуманное сам – наверняка, кто-то собственным разбитым носом доказал глубокий смысл этого простого, казалось бы правила. Привычка задумываться над народными мудростями и поверьями реально помогает избегать ошибок и в каком-то смысле способна гарантировать спокойную жизнь.

Но разумеется, всегда найдутся такие удивительные люди, которые сочтут, что житейские мудрости и законы общества – это такая чепуха, которая придумана не для них. Эти необычные, но сметливые и предприимчивые люди всегда и во всём идут своим путём, непростым, тернистым даже, предпочитая во всяком деле учиться на собственных ошибках, высокомерно пренебрегая как здравым смыслом, так и советами окружающих. Когда они собираются вместе, то заражают сами себя уверенностью в собственной неординарности и начинают вытворять фокусы поразительные как по глупости, так и бессмысленности. А когда приходит час расплаты, искренне удивляются: как же так, ведь всё у них так хорошо начиналось и получалось, но отчего так нерадостно сделалось в конце?!

Об одном таком воистину феерическом персонаже, его необычных друзьях и их неординарных проделках этот невыдуманный сказ.

25 сентября 1985 г. немногим позже 20 часов вечера на телефон службы спасения «911» в Лос-Анджелесе одновременно поступили три сообщения о стрельбе в кондоминиуме на Кайова-авеню (Kiowa ave.) в престижном районе Брентвуд. Двое позвонивших утверждали, что стрельба была слышна прямо из-под здания, возможно из гаража в цокольном этаже, а третий, находившийся в доме по соседству, высказался более неопределенно – стреляли рядом со зданием напротив.

Прибывшие полицейские патрули были вынуждены действовать с максимальной осторожностью, поскольку дом, в котором предположительно велась стрельба, был окружён густыми зарослями декоративных растений, не позволявшими охватить взглядом всю территорию перед домом. Патрульным с пистолетами наперевес пришлось полностью обойти здание, в результате чего они выяснили, что решётка на въездном пандусе паркинга в цокольном этаже здания опущена, но при этом открыта решётка на одном из вентиляционных проёмов на тыльной стороне здания (решётка эта теоретически, всегда должна быть закрыта). На этой решётке не было ни цепи, ни замка.

Осветив тёмное пространство паркинга, полицейские увидели буквально в трех метрах от раскрытой решётки автомобиль «мерседес» цвета слоновой кости с распахнутой со стороны водителя дверью. За ней как будто лежал человек, но что с ним сказать было трудно, поскольку обзор загораживала автомашина. В лобовом стекле «мерседеса» были заметны три пулевых отверстия, на пассажирском сидении можно было видеть человека, сползшего под приборную панель. Жив ли он или только ранен, определить было невозможно.

Одна из фотографий, сделанных вечером 25 сентября 1985 г., менее чем через полчаса с момента двойного убийства в паркинге в кондоминиуме на Кайова авеню, дом №11663. Видно, что придомовая территория украшена большим числом зелёных насаждений и кроме того, почти не освещена. Поскольку полицейские не знали, покинул ли преступник район, им пришлось проводить осмотр территории медленно и с большой осторожностью.

Патрульные не стали влезать на парковку через вентиляционный проём (хотя физически это можно было проделать без всяких затруднений), а вызвали подкрепление, парамедиков, ну и разумеется, администратора здания – кто-то ведь должен был открыть решётку на пандусе.

Примерно через 5 минут все проблемы были благополучно решены – перед домом стояли с десяток патрульных машин, автомобили «скорой помощи» и даже пожарные. Ворота на пандусе были подняты и полицейские приступили к прочёсыванию паркинга.

Скоро стало ясно, что помещение пусто.

Вентиляционные проёмы паркинга, выходившие на тыльную сторону здания, были забраны открывающимися решётками. Обычно они закрывались цепями с навесными замками, однако в вечер убийства четы Вудмен, одна из решёток оказалась открыта, а цепь и замок, запиравшие её – исчезли. Проём находился непосредственно у места 4G, закреплённого за «мерседесом» Веры Вудмен. Кадр оперативной съёмки, проведенной утром 26 сентября 1985 г. Автомашина Веры Вудмен, частично загораживавшая обзор, была отбуксирована

перед началом видеосъёмки. Машина, попавшая в кадр, припаркована на месте 5G и не имеет отношения к убитым.

На месте 4G, расположенном рядом с открытым вентиляционным проёмом, был припаркован расстрелянный «мерседес». На полу возле него лежал мужской труп, а в салоне автомашины – женский. Хотя двигатель был выключен, капот автомашины оказался горячим – это означало, что потерпевшие были убиты по приезду на парковку, а не перед отъездом.

Тела были залиты кровью, а в лобовом стекле, как было упомянуто выше, имелись три отверстия от пуль, так что способ умерщвления особых вопросов не вызывал. Парамедики, как впрочем, и пожарники, оказались не нужны и их пришлось отпустить…

Поскольку факт убийства не вызывал сомнений, к расследованию по горячим следам приступила пара детективов Отдела расследования убийств полиции Лос-Анджелеса Джек Холден (Jack Holden) и Ричард Кростли (Richard Crostley). Личности убитых удалось установить очень быстро, поскольку у обоих имелись при себе документы. Ими оказались супруги Джеральд и Вера Вудмен (Gerald & Vera Woodmam), 67 и 64 лет соответственно. Этих людей хорошо знали как местные жители, так и обслуживающий персонал здания – супруги проживали в кондоминиуме последние 3 года.

Вера и Джеральд Вудмен были счастливой парой, что ничуть не мешало Джерри гулять от жены направо и налево, а Вере – прощать загулы мужа. Они прожили в законном браке более 40 лет и были едины во всех своих успехах и неудачах. И даже смерть они встретили вместе и одновременно…

При осмотре тел детективами и криминалистами бросилась в глаза интересная деталь – на руках женщины остались золотое кольцо и два перстня, в ушах – серьги с бриллиантами, а на шее – золотая цепь с кулоном. На запястье Джеральда находились золотые часы, в его бумажнике оказалось более 600 $, а рядом с ними – банковская карта. В сумочке Веры также остались наличные деньги и банковская карта.

Ключи от машины торчали в замке зажигания, кроме того, у убитых остались ключи от квартиры. Всё это очень не походило на убийство с целью ограбления, а ведь именно этот мотив первым приходит в голову, когда слышишь об убийстве пожилых людей в богатом районе.

Разумеется, внимание детективов привлёк незакрытый вентиляционный проём. Администратор здания пояснил, что все решётки на таких проёмах закрывались при помощи металлической цепи и навесного замка. Ещё днём 25 сентября этот проём был закрыт должным

образом. Теперь же ни цепи, ни замка не было и казалось очевидным, что их исчезновение каким-то образом связано с произошедшим убийством.

При внимательном осмотре прилегавшей к этому проёму отмостки, были обнаружены перекушенные специальным инструментом половинки звена цепи. Криминалисты их забрали для изучения, поскольку на металле могли остаться следы, позволявшие идентифицировать инструмент, использованный для рассечения цепи.

Детективам удалось быстро связаться с родственниками убитых, благодаря чему они смогли без особых хлопот реконструировать события, предшествовавшие трагедии. 25 сентября 1985 г. являлся иудейским религиозным праздником – Йом-кипур – который традиционно отмечается в обществе близких родственников. Джеральд и Вера встречали праздник в кругу многочисленной родни в доме Нины Катлер, старшей родной сестры Веры, в фешенебельном районе Бель-Эйр. Общее число присутствовавших на этом мероприятии, как впоследствии подсчитали детективы, составляло 52 человека. Короче, это была большая и дружелюбная компания, которая после захода Солнца, последовавшего в тот день в 17:46, села к столу за праздничную трапезу (согласно иудейской традиции трапеза в Йом-кипур начинается после захода).

Праздничный ужин продолжался почти два часа и к восьми часам гости стали плавно переходить в кинозал, дабы посмотреть очередную серию сериала «Династия». Сериал этот находился на пике популярности и многие американцы – особенно представители среднего и старшего поколений – следили за зигзагами его сюжета. Однако, Вера и Джеральд не захотели остаться для просмотра очередной серии – они вдруг засобирались домой и оказались первыми из гостей, покинувшими компанию.

Одной из первых на место преступления примчалась Нина, сестра убитой Веры, которая огорошила детективов неожиданной фразой: «Я знаю, кто убийца! Родителей убили их старшие сыновья Нейл и Стюарт…» После чего кратко, но живописно, рассказала о том, что семью Вудмен уже много лет раздирали непримиримые противоречия, как финансовые, так и связанные с личностными предпочтениями родителей и детей. Поскольку изучение деталей продолжительного и весьма запутанного конфликта требовало много времени, оно было отложено до лучших времён, а пока детективы в сопровождении Нины поднялись в квартиру убитых, для оценки её состояния. Ведь нельзя было исключать того, что квартира ограблена…

Однако, Нина Катлер, осмотрев комнаты, заявила, что все предметы и документы находятся на своих местах. Квартира выглядела богатой, бросалось в глаза наличие большого количества мелких предметов и поделок явно немалой цены и трудно было представить, чтобы преступник, если только он сумел бы проникнуть в помещение, удержался от хищения. Это означало, что никто из посторонних в квартире убитых людей не хозяйничал.

Информация о преступлении довольно быстро стала распространяться среди многочисленных родственников Веры и Джеральда, которые прямо ночью стали съезжаться к дому. Неудивительно, что скоро появились и журналисты. Первый телевизионный репортаж о двойном убийстве был снят ещё до восхода Солнца и попал в самые ранние утренние новости.

На протяжении вечера были опрошены жители кондоминиума и прилегающих домов. Оказалось, что жители квартала не только слышали звуки выстрелов, но и видели кое-что интересное. Двое заявили, что незадолго до того, как из паркинга послышались звуки выстрелов, они видели двух человек, одетых в одежду «ниндзя», как их обычно изображают в голливудских кинофильмах. Люди в чёрном, с капюшонами и масками на лицах прошли вдоль дома по отмостке (узкой дорожке вдоль стены) и скрылись за углом. Вскоре до этих свидетелей добрались журналисты и рассказ о двух «ниндзя» чрезвычайно их заинтересовал; впоследствии убийство супругов Вудмен часто называли «убийством ниндзя» («ninja murders» – словосочетание кажется бессмысленным, зато эффектным).

Трое других свидетелей утверждали, будто сразу после выстрелов, привлёкших их внимание, они видели в кустах рядом с домом крупного полного человека с чёрной бородой и усами, одетого в чёрную одежду. Человек не являлся местным жителем и никто ранее его в этом районе не встречал. Поведение бородатого мужчины показалось свидетелям довольно странным – он то ли прятался от света фонарей в кустах, то ли просто не мог решить куда идти.

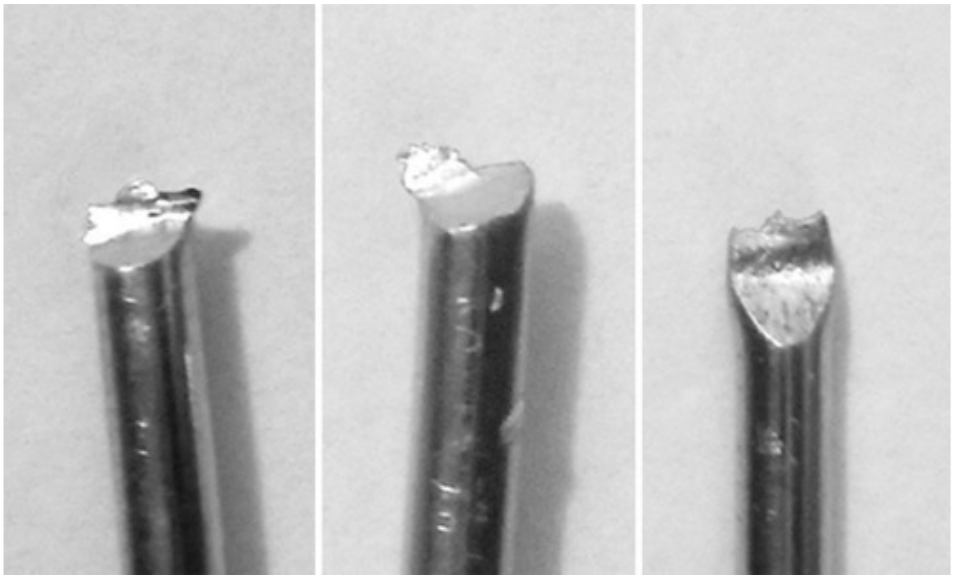
Более двенадцати часов на месте убийства работали криминалисты. Результаты их работы позволили до известной степени реконструировать картину преступления, которая в общем виде сводились к следующему:

– Убийца проник на парковку через вентиляционный проём, закрытый двухстворчатой подвижной решёткой, запираемой цепью и навесным замком. Злоумышленник разрезал цепь специальным инструментом, по-видимому, мощным болторезом, и унёс её с собою, вместе с навешенным замком (они так и не были найдены). При этом он оставил на месте проникновения самую важную для криминалистов улику – разрезанное звено цепи, по характеру повреждения которого можно было судить об индивидуальных особенностях использованного инструмента и даже опознать его, если только этот инструмент попадёт в руки полиции.

То самое звено цепи, разрезанное болторезом, оставленное преступником подле открытой им решётки. Кадр оперативной съёмки на месте преступления, сделанной утром 26 сентября 1985 г.

Преступник повёл себя предельно глупо и поступил прямо наоборот тому, как следовало – вместо того, чтобы забрать разрезанное звено, он унёс с собою цепь и замок, не представлявшие для криминалистов никакой ценности.

Почему преступник поступил так, а не иначе, сказать было решительно невозможно – он явно имел с собою фонарик и располагал достаточным запасом времени, поэтому ничто не мешало ему поднять разрезанное звено… Как бы там ни было, он допустил серьёзную ошибку, которую можно было попытаться использовать в интересах расследования.



Эти фотографии не имеют непосредственного отношения к описываемой истории, однако, они дают весьма наглядное представление о разнообразии следов, оставляемых ручным инструментом при срезании металла. Один и тот же медный провод разрезан тремя различными инструментами и несхожесть следов бросается в глаза даже без использования увеличительной техники. Даже однотипные инструменты, выполненные с высокой точностью, будут оставлять на металле весьма различные срезы. Это связано с отклонениями величин углов заточки режущих кромок при изготовлении, неодинаковой плотностью их прилегания, индивидуальной степенью износа и т. п. При оптическом увеличении зоны среза становятся хорошо видны многочисленные заусенцы и царапины, оставляемые инструментом на металле в процессе его сжатия. Эти следы индивидуальны и не могут быть повторены другим инструментом, а значит, их можно использовать для строгой идентификации того инструмента, посредством которого они были оставлены.

– Преступник проник на парковку через тот вентиляционный проём, что находился перед самым парковочным местом 4G, арендованным убитой четой. В принципе, жертвы можно было расстрелять прямо с улицы, прутья решётки этому ничуть не мешали. То, что преступник действовал столь неблагоразумно и рискованно, явно свидетельствовало о том, что он не знал точное место парковки нужной ему машины.

– После открытия створок решётки, закрывавшей проём, и проникновения в паркинг, преступник спрятался в его дальнем конце за припаркованным там «роллс-ройсом». Там он стал дожидаться прибытия автомашины четы Вудмен. Он не мог находиться в своём укрытии слишком долго, т.к. рисковал быть обнаруженным жильцами дома. Как показал опрос, автомобили въезжали и выезжали с парковки с интенсивностью 4—5 в час, а это означает, что средний интервал между появлениями посторонних лиц составлял немногим более 10 мин. Скорее всего, преступник проник на парковку за считанные минуты до появления жертв, а это наводило на мысль, что его действия координировал некто, остававшийся снаружи. В укрытии позади «роллс-ройса» злоумышленник оставил свою поклажу – рюкзак или сумку – в которую, по-видимому, поместил инструмент для разрезания цепи с решётки и саму цепь.

– При появлении автомашины с супругами Вудмен, злоумышленник покинул укрытие и, приблизившись к «мерседесу», открыл огонь из оружия калибром 9 мм, скорее всего, пистолета. К моменту начала нападения Джеральд Вудмен успел поставить автомашину на отведенное ей парковочное место, выключить двигатель, открыть дверь и выйти из салона (полностью или частично). Вера Вудмен в это время оставалась в салоне на переднем пассажирском сиде-

нии. В результате попадания пуль Джеральд упал на бетонный пол, где и скончался, а преступник, выпустил в Веру Вудмен по меньшей мере три пули через лобовое стекло.

– Криминалисты не обнаружили свидетельств того, что убийца проникал в салон автомашины или прикасался к жертвам. Украшения и ценные вещи, принадлежавшие жертвам, остались при них. Скорее всего, убитые не обыскивались. Если убийца и забрал нечто с места преступления, то совсем незначительное и малоценное.

– Убийца не пользовался глушителем, что в условиях стрельбы в помещении с бетонными стенами и полом привело к появлению сильной акустической волны, хорошо узнаваемой даже на большом расстоянии. Поскольку парковка имела обширные вентиляционные проёмы, тянувшиеся вдоль тыльной части здания, звук стрельбы оказался хорошо слышен всем жителям кондоминиума, а также окрестных домов. Возможно, грохот выстрелов явился неприятным сюрпризом и для самого убийцы, что повлияло некоторым образом на его действия и заставило отказаться от дальнейшей реализации задуманного плана.

– Злоумышленник обошёл автомашину спереди и заглянул в салон, очевидно, с целью удостовериться в смерти Веры Вудмен. При этом он наступил в лужу крови, которая успела образоваться рядом с телом Джеральда Вудмена (когда «мерседес» отогнали с его места выяснилось, что под днищем автомашины натекла лужа крови длиною более 1,2 м). Благодаря этому дальнейшие передвижения убийцы удалось восстановить довольно точно. Убедившись, что Джеральд и Вера Вудмен мертвы или агонизируют, убийца направился в дальний конец парковки (хотя находился рядом с открытой решёткой и мог покинуть место преступления!). Это странное на первый взгляд движение объясняется тем, что убийца оставил позади «роллс-ройса» рюкзак (или сумку), который надлежало забрать.

– Взяв поклажу, преступник вернулся к «мерседесу» и покинул парковку тем же путём, каким проник на неё ранее.

Кадры криминалистической видеозаписи, запечатлевшей следы ног убийцы, метавшегося по паркингу в обуви, запачканной кровью Джеральда Вудмена. Изученые следовой дорожки показало, что преступник отбегал от застреленных им людей в дальнюю часть паркинга, а потом возвращался обратно, для того, чтобы покинуть место преступления. Причиной этих кажущихся нелогичными перемещений, по-видимому, явилась необходимость забрать некие вещи, забытые убийцей (или оставленные умышленно) в дальней части паркинга. Детективы предположили, что преступник имел при себе объёмную сумку (или рюкзак), мешавшую ему двигаться; перед началом стрельбы он её оставил в стороне от места нападения, а уходя – забрал с собою.

В целом же, выводы криминалистов отлично подтверждали предварительный вывод детективов о том, что отнюдь не ограбление явилось причиной нападения. Кроме того, появлялись некоторые вопросы относительно адекватности убийцы и его профессионализма. Трудно было объяснить использование мощного огнестрельного оружия без глушителя в вечерний час в тихом уединённом районе. Странно выглядела беготня убийцы по паркингу после нападе-

ния, неужели он и в самом деле забыл сумку в другом конце помещения? Из той же серии был вопрос о похищенной цепи с замком: почему убийца берёт то, что ему на самом деле не нужно, но забывает взять то, что может превратиться в опасную для него улику (разрезанное звено цепи)?

Судебно-медицинская экспертиза тел Джеральда и Веры Вудмен показала, что убиты они были выстрелами из 9-мм оружия. Убийца использовал мощный патрон.357 «magnum» с пулей массой 8,1 гр, имевшей повышенное останавливающее действие. У американских специалистов по огнестрельному оружию этот патрон получил прозвище «короля улиц» за большую дульную энергию пули, которая даже при использовании короткоствольных пистолетов превышала 800 Дж. (чем длиннее ствол, тем больше скорость пули и, соответственно, её энергия на выходе из ствола). Указанная величина значительно больше дульной энергии подавляющего большинства штатных пистолетов и патронов, состоявших в то время на вооружении силовых структур США. Джеральд был убит двумя пулями: одна попала в голову, другая – в правую половину груди. Смерть его наступила практически мгновенно.

Вера получила три пули, все они попали в верхнюю часть торса. Смерть женщины также последовала очень быстро, после ранения она вряд ли прожила более 1 минуты, а сознание потеряла практически моментально.

Кадры из телевизионного репортажа, снятого журналистами ранним утром 26 сентября у кондоминиума на Кайова авеню.

Все выстрелы производились спереди, другими словами, жертвы видели убийцу.

Баллистическая экспертиза констатировала, что в силу конструктивных особенностей боеприпасов с повышенным останавливающим действием (они имеют пустотелые оголовки, что приводит в смятию головной части при попадании в преграду) пули подверглись сильной деформации при столкновении с костями скелета. Это делало невозможным изучение индивидуальных особенностей нарезов ствола, другими словами, состояние пуль не позволяло однозначно идентифицировать пистолет, из которого они были выпущены. Поскольку отстрелянные гильзы на месте преступления обнарудить не удалось, само-собой возникало предположение об использовании убийцей 9 мм. револьвера. В то, что преступник успел подобрать гильзы с пола, верилось слабо потому, во-первых, у него на это оставалось мало времени (с учётом беготни по паркингу после стрельбы), а во-вторых, этот человек вряд ли отличался особой предусмотрительностью, принимая во внимание его небрежность при обращении с цепью.

То, что убийца использовал мощный патрон.357 «magnum» ничуть не проясняло картину случившегося, а лишь ещё более озадачивало. Дело заключалось в том, что помимо изрядного грохота, выстрел «королём улиц» из обычного пистолета – с длиной ствола 100 мм. или около того – давал мощный форс пламени. В полутёмном паркинге это пламя ослепляло прежде всего самого стрелка, мешая вести прицельный огонь. Правда, в данном конкретном случае это было непринципиально, поскольку преступник вёл огонь с дистанции не более 2—3 метров,

но в случае заранее спланированного убийства злоумышленник должен был предусмотреть разные варианты развития событий. Опытный убийца тем более должен был воспользоваться глушителем, который помимо своей основной функции – снижение громкости выстрела – выполняет роль пламегасителя и тем самым улучшает точность стрельбы. Но поскольку убийца при подготовке нападения не озаботился этим весьма важным вопросом, перед детективами опять вставал вопрос о его профессиональных качествах и адекватности.

Впрочем, все эти детали стали вырисовываться чуть позже, поскольку судебно-медицинская и баллистическая экспертизы – это процедуры весьма неспешные.

На этих кадрах из телерепортажа, снятого журналистами ранним утром 26 сентября, запечатлены криминалисты, входящие в паркинг на Кайова авеню, дом №11663 и детективы, занятые осмотром места преступления.

Пока же вернёмся к событиям сентября 1985 г. и кратко охарактеризуем ход расследования в те дни.

Напомним, что сестра убитой Веры Вудмен в первые же часы после преступления сообщила полиции имена людей, виновных по её мнению, в совершении двойного убийства. Она утверждала, что его совершили – Нейл (Neil) и Стюарт (Stewart) Вудмены. Услышав столь смелое и прямолинейное заявление, детективы Холден и Кростли, разумеется, запомнили его, однако, до конца не поверили. Прежде всего, надо было выслушать самих Нейла и Стюарта.

Детективы нарочно не стали их вызывать, надеясь посмотреть, когда же те объявятся сами. Удивительно, но сыновья не появились в полиции ни 26 сентября, ни 27. Это было, вообще-то, было совсем уж странно, поскольку родственники должны были к этому времени сообщить им о гибели родителей. Но даже 28 сентября никто из сыновей с полицией не связался… А ведь в тот день газеты и телевизионные новости Лос-Анджелеса уже прямо сообщили о том, что полиция желала бы видеть старших сыновей убитой четы. Но… они не появились и после этого!

Это вообще не лезло ни в какие ворота! Поскольку места проживания обоих были известны, полиция наведалась по обоим адресам и оказалось, что Нейл и Стюарт отсутствуют вместе со своими семьями. Это только добавило интриги происходившему. Трудно было поверить, что сыновья пустились в бега, поскольку бизнес, который их кормил, находился в Лос-Анджелесе и далеко убежать от него они вряд ли могли. Тем не менее, следов Нейла и Стюарта отыскать не удавалось 6 дней.

Объявились они только 2 октября и после кратких телефонных переговоров с детективами согласились приехать для беседы в управление полиции. Их встречи с детективами прошли совершенно одинаково, что наводило на мысль о предварительном сговоре братьев. В обоих случаях беседы с детективами оказались чрезвычайно короткими. После того как детективы задавали каждому из братьев вопрос о том, где тот находился в момент убийства родителей, следовал ответ «я не обязан отвечать на этот вопрос» и требование вызова адвоката. Детективы разрешали позвонить адвокату, и буквально через три минуты в помещении появлялся адвокат. Быстрота, с которой тот прибегал в «убойный» отдел свидетельствовала о том,

что адвокат явно находился рядом со зданием управления полиции и ждал звонка у телефона заблаговременно. Другими словами, братья загодя пригласили юристов, зная, что непременно обратятся к ним во время беседы с полицейскими.

Такое поведение просто-таки ставило в тупик своей нелогичностью и глупостью. Дело в том, что к тому времени полицейские уже выяснили местонахождение Нейла и Стюарта в момент убийства их родителей. Братья развлекались вместе с семьями в Лас-Вегасе, куда вылетели ещё 23 сентября, т.е. за двое суток до преступления. У обоих имелось отличное alibi и детективы при всём желании ничего братьям инкриминировать в тот момент не могли. Не существовало никаких объективных предпосылок для того обострения беседы, на которое пошли Нейл и Стюарт, в их интересах было вести себя совершенно иначе – максимально лояльно, уважительно и демонстрируя искреннюю готовность помочь расследованию. К тому моменту детективы уже поговорили со многими десятками родных и друзей убитых и никому из этих людей не приходило в голову вызывать адвокатов и отказываться подтверждать собственное alibi. Все эти люди демонстрировали искреннее желание помочь и ускорить расследование, а тут дети – ближайшие родственники жертв! – выкинули такой неожиданный и глупейший фортель.

Понятно, что полицейские были вынуждены отпустить Нейла и Стюарта так толком и не поговорив, но от этого вопросы к ним не исчезли. Напротив, странное поведение сыновей лишь привлекло интерес правоохранительных органов к персонам старших сыновей и их конфликту с родителями.

Уже с первых часов расследования стало ясно, что убийство Веры и Джеральда Вудмен носило заказной характер. Джеральд был известен своей несдержанностью и злонравием, собственно, об этом говорили все, кто знал этого человека, так что наличие у него жестокого и непримиримого врага не казалось удивительным. Но вот Вера была милейшей женщиной и её убийство вызывало недоумение всех, знавших близко эту семью. Кто мог «заказать» убийство Веры? Ведь опытный киллер, работающий «под заказ» не стал бы убивать случайного человека, за которого ему не заплатят… Впрочем, насчёт опытности убийцы, как было отмечено выше, следствие очень скоро стало испытывать весьма сильные сомнения.

В любом случае, история семьи Вудмен нуждалась в тщательном изучении – от этого правоохранительным органам невозможно было уйти.

Вера, носившая в девичестве фамилию Ковел, родилась в 1922 г. в строгой религиозной иудейской семье. Она явилась средней из трёх сестёр, старшую звали Ниной, младшую – Глорией. Их отец её – Джек Ковел – занимался прокатом немых фильмов в Манчестере, штат Калифорния, а когда тема сошла на нет из-за появления звукового кино и крупных прокатных компаний, переключился на сделки с недвижимостью. В 1935 г. семья перебралась в бурно развивавшийся в те годы Лос-Анджелес – там-то 13-летняя Вера и познакомилась с 17-летним Джеральдом Вудменом, сыном торговца верхней одеждой.

Джеральд явился единственной любовью Веры, строго говоря, она никогда ни с кем, кроме него, всерьёз и не встречалась. Можно сказать, что Джерри «приклеился» к ней с первой минуты знакомства и их последующие жизни оказались тесно переплетены, что, впрочем, не мешало Джерри время от времени «ходить налево», содержать любовниц и даже прижить от одной из них ребёнка. Однако, безусловным достоинством Джеральда следует считать его умение отделять семью от блуда и он никогда не поднимал перед женой вопрос о разводе. Более того, он исправно приносил в дом деньги и принимал как данность руководство жены в семейном планировании.

Вера и Джерри принадлежали к одному кругу – они происходили из зажиточных семей, исповедующих иудаизм, а кроме того, хотя и были сильно разными людьми, отлично дополняли друг друга. Вера была хорошо воспитана, внимательна, спокойна, располагала к себе людей с первой минуты и о ней никто не сказал полицейским плохого слова. Джеральд же

всю жизнь был несдержан на язык и очень экспансивен – он орал, ругался, не выбирая слов, в общем, не церемонился с людьми, хотя с друзьями всегда оставался чрезвычайно лоялен и добродушен (Кстати, его постоянный крик, воспринимавшийся многими как признак гнева, являлся на самом деле следствием перенесённого в молодости отита: Джерри плохо слышал и испытывал затруднения при ведении обычной беседы.). Чтобы составить представление о том, сколь по-разному его характеризовали разные люди, можно привести два примера.

Во время опроса соседей Вудменов по кондоминиуму, детективы услышали рассказ о том, как Джеральд однажды принялся кричать на соседскую девочку 5 лет, довёл её до слёз, а после того, как в происходившее вмешалась её мать, то обругал и её. Женщина была поражена агрессией, с которой столкнулась и ничтожностью повода, вызвавшего вспышку бешенства. Для себя она решила, что Джеральд ненормален и впредь этого человека следует избегать. Происшествие это действительно трудно назвать обыденным, всё-таки, не каждый день можно видеть убеленного сединами мужчину (а Джерри к тому моменту уже давно перевалило за 60), вопящего на маленькую девочку. Когда детективы спрашивали у друзей и родных Джеральда, что они думают об этой истории, люди отвечали примерно так: «ну, для Джерри это нормально…», «да-да, в этом весь Джерри…».

А вот Роберт Карнз, бывший муж Глории, младшей сестры Веры, рассказал детективам совсем иную историю с участием Джеральда. Когда родители Роберта обанкротились и оказались вынуждены продать принадлежавший им магазин, Роберт упомянул об этом в разговоре с Джеральдом. Тот принял эту историю близко к сердцу и предложил дать денег, чтобы родители могли начать новый бизнес. Карнз чрезвычайно удивился этому великодушию, он вовсе не думал просить у кого-либо денег и уж тем более не рассчитывал одалживаться у Вудмена. Тот, однако, был настойчив и передал родителям Роберта значительную сумму денег, заявив, что не будет торопить с возвратом – вернут, когда смогут. Прошло более года, пока родители Роберта открыли новый магазин, заработали деньги и сумели возвратить долг. В этой истории имелся очень интересный момент, на котором Роберт Карнз во время разговора с полицейскими сделал акцент: дело заключалось в том, что во время описываемых событий он оформлял развод с Глорией. Джерри вообще мог не предлагать помощи его родителям, однако, он повёл себя очень великодушно и достойно.

Вот такие две истории, рисующие перед нами совершенно непохожие портреты одного и того же человека…

В 1948 г. Джек Ковел, отец Веры, купил на западе Лос-Анджелеса четыре участка земли, расположенные вплотную друг к другу. Три из них он подарил дочерям, а четвёртый занял сам. На каждом из участков были построены дома и каждую неделю Джек Ковелл обходил их, общаясь с дочерьми, их мужьями, внуками и т. п. Долгие десятилетия Ковеллы компактно жили эдаким кланом, подле друг друга – двоюродные и родные братья, сёстры, тётушки и дядюшки. Лишь в 1970 г. Вера и Джеральд Вудмены переехали в Бель-Эйр, один из самых дорогих и роскошных районов Лос-Анджелеса – там они купили двухэтажный особняк с пятью спальнями и бассейном. Они и до этого жили безбедно, но теперь зажили как настоящие миллионеры, каковыми, собственно, и являлись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.